

Симеон Новый Богослов

Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга вторая

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639055*

*Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. В трех книгах. Книга вторая. : Сибирская Благовонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-352-2*

Аннотация

В истории христианства третьим духовным писателем, к имени которого придано поименование Богослов, является преподобный Симеон Новый Богослов. Святой отец поучениями устными, а позднее и письменными проповедовал свой личный опыт сокровенного общения с Господом.

Русские православные люди познакомились с творениями Симеона Нового Богослова благодаря переводческим трудам епископа Феофана Затворника, который ценил святого отца за то, что... «преподобный внушает ревность к внутренней благодатной жизни... И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум».

Во вторую книгу преподобного Симеона Нового Богослова вошли «Слова» с сорок пятого по восемьдесят первое, перевод которых сделал епископ Феофан Затворник в 1882–1890 годы.

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Творения преподобного Симеона Нового Богослова	4
Слово сорок пятое	5
Слово сорок шестое	27
Слово сорок седьмое	29
Слово сорок восьмое	33
Слово сорок девятое	37
Слово пятидесятое	40
Слово пятьдесят первое	45
Слово пятьдесят второе	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Симеон Новый Богослов, преподобный Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга вторая

Творения преподобного Симеона Нового Богослова

В переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Зогреем, подвизавшимся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 году.

Слово сорок пятое

1. *О сотворении мира и создании Адама.*
2. *О преступлении заповеди и изгнании из рая.*
3. *О воплощенном Домостроительстве Господа и о том, как Он воплотился ради нас.*
4. *Как все творение имеет быть опять обновлено? 5. Что это за светлое состояние, какое имеет опять воспринять вся тварь?*
6. *Как это святые соединяются со Христом и Богом нашим и бывают едино с Ним?*
7. *Какой это вышний мир и как он наполнится, – и когда придет конец? 8. Пока не родятся все, коим предопределено родиться до самого последнего дня, – дотоле вышний мир не наполнится. 9. На слова Евангелия: «Уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему» (Мф. 22,2 и др.). 10. Святые по воскресении будут знать один другого.*

1. Бог в начале, прежде чем насадил рай и отдал его первозданным, в пять дней устроил землю и что на ней, и небо и что в нем, а в шестой создал Адама и поставил его господином и царем всего видимого творения. Рая тогда еще не было. Но этот мир бысть от Бога, как бы рай некий, хотя вещественный и чувственный. Его и отдал Бог во власть Адаму и всем потомкам его, как говорит Божественное Писание. *И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и да обладает рыбами морскими, и птицами небесными, и зверьми, и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли. И сотвори Бог человека, по образу Божью сотвори его: мужа и жену сотвори их. И благослови их Бог, глаголя: раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею.* Видишь, как Бог отдал человеку в начале весь этот мир, как рай какой; почему вслед за сим и говорит: *се, дах вам всякую траву семенную сеющую семя, еже есть верху земли вся, и всякое древо, еже имать в себе плод семени семенного, вам будет в пищу, и всем зверем земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, всякую траву зеленую в пищу* (Быт. 1, 26–30). Видишь ли, как все видимое, что есть на земле и что есть в море, все то отдал Бог во власть Адаму и потомкам его? Ибо что сказал Он Адаму, то сказал всем нам, подобно тому, как и апостолам сказал: *а яже вам глаголю, всем глаголю* (Мк. 13, 37), – так как ведал, что род наш имел размножиться и людей имело быть бесчисленное множество. Если теперь, после того, как преступили мы заповедь и осуждены умирать, люди столь много размножились, то вообрази, сколько бы их было, если б не умирали все рожденные от сотворения мира? И какой жили бы они жизнью, будучи бессмертны и нетленны, чужды греха, печалей, забот и тяжелых нужд?! И как, преуспев в хранении заповедей и в благоустроении сердечных расположений, по времени востекали бы они к совершеннейшей славе и, изменившись, приближались бы к Богу, и душа каждого делалась бы светлосиянною по причине осияний, какие изливались бы на нее от Божества! И это чувственное и грубо-вещественное тело делалось бы будто невещественным и духовным, высшим всякого чувства; а радость и веселие, какими исполнялись бы мы тогда от взаимного друг с другом обращения, воистину были бы неизглаголанны и невместимы для помысла человеческого. Но возвратимся опять к нашему предмету.

Итак, отдал Бог Адаму весь этот мир, сотворенный Им в шесть дней, – о каковом сотворении слушай, что говорит Божественное Писание: *И виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело. И соверши Бог в день шестый дела Своя, яже сотвори, и почи в день седмый от всех*

дел Своих, яже сотвори (Быт. 1, 31; 2, 2). А далее то же Писание, желая научить нас, как Бог сотворил человека, говорит: *И созда Бог человека, персть взял от земли, и вду в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу* (Быт. 2, 7). Тогда уже, как иной царь, или князь, или богач, владеющий какою-либо местностью, не всю ее определяет на одно что-нибудь, а разделяет на многие части и одну определяет под посеvy, на другой разводит виноградники, а иную оставляет невозделанной, чтоб заросла травой и давала пастбище; самую же лучшую и красивейшую часть избирает для построения палат своих, при которых разводит цветники и сады и другое многое придумывает и устрояет, что может доставлять удовольствие; и палаты свои и все помещения в них устрояет наилучшим образом, чтоб они отличались от жилищ других людей; все это огораживает стеною с воротами и запорами, при которых ставит стражей, чтоб не пропускали злых людей и давали вход только людям добрым, знаемым и друзьям; так и Бог подобное сему устроил для первозданного. Ибо после того, как создал все другое, сотворил и человека, и почил в день седьмый от всех дел, которые начал творить, – насадил рай во Едеме на востоцех, как царское жилище, и ввел в него человека, которого создал, как царя.

Но почему Бог не устроил рая в седьмой день, а насадил его на востоцех уже после того, как кончил всякое другое творение? Потому, что Он как Провидец всяческих, все творение устроил в порядке и благочинном последовании; и семь дней определил, да будут во образ веков, имевших пройти впоследствии, во времени, а рай насадил после тех семи дней, да будет во образ будущего века. Почему же Дух Святой не поставил в счет осьмого дня вместе с седмью? Потому, что несообразно было ставить в счет и его вместе с седмью, которые, круговращаясь, производят столько и столько недель, годов и веков; но надлежало осьмой день поставить вне седми, так как он не имеет круговращения.

Смотри еще – Божественное Писание не говорит, что Бог создал рай, ни того, чтоб Он сказал: да будет, но – что насадил его. *И насади Бог рай во Едеме на востоцех. И прозябе Бог еще от земли всякое древо красное в видение и доброе в снєдь* (Быт. 2, 8, 9), с разными плодами, которые никогда не портились и никогда не прекращались, но всегда были свежи и сладки и доставляли первозданным великое удовольствие и приятность. Ибо надлежало доставлять и наслаждение нетленное оным телам первозданных, которые были нетленны. Почему и жизнь их в раю была не обременена трудами и не отяжелена несчастьями. Адам был создан с телом нетленным, однако ж вещественным, а не духовным еще, и был поставлен Творцом Богом как царь бессмертный над нетленным миром, не только над раем, но и над всем творением, сущим под небесами.

2. Но поелику Бог дал первозданным заповедь и повелел им не вкушать от одного древа познания, а Адам презрел сию заповедь Божию, не поверив словам Творца Владыки, Который сказал: *в оньже аще день снєсте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 17), но почетши более верным слово лукавого диавола, сказавшего: *не смертию умрете* (Быт. 3, 4, 5), но *в оньже аще день снєсте от него... будете яко бози, ведяще доброе и лукавое*, вкусил от древа того; то тотчас обнажился от нетленного оногo одеяния и славы и облекся в наготу тления, и, видя себя нагим, скрылся, и, сшив листвие смоковничное, препоясался, чтобы прикрыть срамоту свою. Почему, когда Бог воззвал к нему: *Адам, где еси?* – отвечал: глас Твой услышал и, видя, что наг, убоялся и скрылся. Бог, призывая его к покаянию, сказал ему: *кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единого не ясти, от него ял еси?* (Быт. 3, 11). – Но Адам не захотел сказать: согрешил, а сказал паче противное тому и поставил виновником преступления своего Бога, Который создал *вся добра зело*, говоря Ему: *жена, юже дал еси мне, та ми даде, и ядох* (Быт. 3, 12); а за ним и она сложила вину на змия; и не восхотели они совсем раскаяться и, падши пред Господом Богом, просить у Него прощения. За это Бог выгнал их из рая, как из царских палат, жить в мире сем как изгнанникам, тогда же определив, чтобы пламенное оружие обращаемое хранило вход в рай.

И не проклял Бог рая, так как он был образом будущей нескончаемой жизни вечного Царства Небесного. Если б не эта причина, надлежало бы проклясть его наипаче, так как внутри его совершилось преступление Адамово. Но Бог не сделал этого, а проклял лишь всю прочую землю, которая тоже была нетленна и все произращала сама собою, чтобы Адаму не иметь более жизни свободной от утомительных трудов и потов. *Проклята земля в делах твоих, – сказал Господь Адаму, – в печалех снеси тую вся дни живота твоего: терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селъную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от неяже взят еси: яко земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 17–19).

Итак, тому, кто сделался тленным и смертным по причине преступления заповеди, по всей справедливости надлежало и жить на земле тленной и питаться пищею тленною; ибо, как беструдная жизнь и обильная пища (самородная) сделали то, что он забыл Бога и блага, которые Он даровал ему, и презрел заповедь Его, то справедливо осужден с потовым трудом обрабатывать землю и таким образом от нее получать мало-помалу пищу, как от какого эконома. Видишь, как тогда приняла преступника земля, после того как была проклята и лишилась первоначальной производительности, по которой плоды порождались из ней сами собою, без труда? И для чего? Для того, чтобы быть обрабатываемой им в потах и трудах и так давать ему то небольшое, что произращает на потребу его для поддержания жизни, а если не будет обрабатываема, оставаться бесплодною и произращать лишь терния и волчцы. Затем и все твари, когда увидели, что Адам изгнан из рая, не хотели более повиноваться ему, преступнику: солнце не хотело светить ему, ни луна и прочие звезды не хотели показываться ему; источники не хотели источать воду, и реки продолжать течение свое; воздух думал не дуть более, чтобы не давать дышать Адаму согрешившему; звери и все животные земные, когда увидели, что он обнажился от первой славы, стали презирать его, и все тотчас готовы были напасть на него; небо, некоторым образом, устремлялось было пасть на него, и земля не хотела носить его более. Но Бог, сотворивший всяческая и человека создавший, – что сделал? Зная прежде создания мира, что Адам имел преступить заповедь Его, и имея предопределенную для него новую жизнь и воссоздание, какие имел он получить через возрождение во Святом Крещении, в силу воплощенного Домостроительства Единородного Сына Своего и Бога нашего, – Он сдержал все эти твари силою Своею и по благоутробию и благодати Своей не дал им тотчас устремиться против человека, и повелел, чтобы тварь оставалась в подчинении ему и, сделавшись тленной, служила тленному человеку, для которого создана, с тем чтоб, когда человек опять обновится и сделается духовным, нетленным и бессмертным, и вся тварь, подчиненная Богом человеку в работу ему, освободилась от сей работы, обновилась вместе с ним и сделалась нетленною и как бы духовною. Все сие предопределил Всещедрый Бог прежде сложения мира.

Итак, когда все было установлено Богом, как сказано, – изгнан был Адам из рая, пожил, породил чад и умер; подобным образом и все те, которые происходили от него. Люди того времени, узнав от Адама и Евы о всем случившемся, помнили падение Адамово и поклонялись Богу и почитали Его как Владыку своего. Почему Авель вместе с Каином приносили Богу жертвы, каждый от имени своего. И Писание говорит, что Бог принял приношение и жертву Авеля, а жертву Каина не принял, что увидев, Каин опечалился до смерти, стал завидовать брату своему, Авелю, и убил его. Но после сего Енох, угодив Богу, *преложися* (Быт. 5, 24), как и Илия потом взят был на небо на огненной колеснице. Этим Бог хотел показать, что если после приговора, произнесенного над Адамом и над потомством его, и после изгнания его Он благоволил Еноха и Илию, потомков Адамовых, угодивших Ему, почитать таким образом – предложением и долгоживотием, и освободить от смерти и поступления в ад, – не тем ли паче самого первозданного Адама, если бы он не преступил данной ему заповеди или по преступлении покался, прославил Он и почтил, или помиловал и оставил жить в раю?

Так древние люди в продолжение многих лет учились один от другого по преданию и познавали Творца своего и Бога. После, впрочем, когда размножились и стали предавать ум свой от юности своей в помышления злые, забыли они Бога и не познавали более Творца своего, и стали не только демонам поклоняться, но обоготворили даже такие твари, которые даны были им от Бога в услужение. Оттого предались во всякую нечистоту и осквернили непотребными делами своими землю, воздух, небо и все сущее под небом. Ибо ничто так не оскверняет и не делает нечистым чистое дело рук Божиих, как то, если кто станет боготворить его и кланяться ему, как Богу, создавшему всяческая. Когда же наконец вся тварь, бывая обоготворенной, сделалась нечистой, и все люди ниспали в крайнюю глубину зла, тогда снисшел на землю Сын Божий и Бог, чтоб воссоздать человека, столь униженного, оживотворить его, умерщвленного, и воззвать от прелести и заблуждения.

3. Но прошу внимать слову моему, потому что оно начинает касаться величайшего таинства, изъяснение которого душеспасительно и для нас, и для имеющих жить после нас. Надлежит нам восходить к созерцанию воплощения Сына и Слова Божия и неизглаголанного рождения Его от Приснодевы Богородицы Марии при пособии какого-либо образа и посредством его приближать к уразумению сокровенное от век таинство воплощенного Домостроительства, во спасение нашего рода. Как тогда, при сотворении праматери нашей Евы, взял Бог ребро Адамово и создал из него жену, таким же образом и теперь взял Создатель наш и Творец Бог от Богородицы и Приснодевы Марии плоть, как бы закваску некую и некий начаток от замеси естества нашего, соединив ее с Своим Божеством, непостижимым и неприступным, или, лучше сказать, всю Божественную ипостась Свою соединил существенно с нашим естеством, и это человеческое естество несмесно сочетал с Своим существом, и сделал его Своим собственным, так что Сам Творец Адама непреложно и неизменно стал совершенным Человеком. Ибо как из ребра Адамова создал Он жену, так из дочери Адамовой, Приснодевы и Богородицы Марии, заимствовал девственную плоть бессеменно и, в нее облекшись, стал Человеком, подобным первозданному Адаму, чтобы совершить такое дело, именно: как Адам через преступление заповеди Божией был причиною того, что все люди стали тленны и смертны, так чтоб и Христос, новый Адам, через исполнение всякой правды стал начатком возрождения нашего к нетлению и бессмертию. Сие изъясняет божественный Павел там, где говорит: *первый человек от земли перстен: второй человек Господь с небесе. Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацы же и небеснии* (1 Кор. 15, 47, 48). И поелику Господь наш Иисус Христос соделался совершенным человеком по душе и по телу, подобным нам по всему, кроме греха, то и нам, которые веруем в Него, подает Он от Своего Божества и нас соделоват сродными Себе по естеству и существу Божества Своего. Помысли о предивном сем таинстве. Приял Сын Божий от нас плоть, которой не имел по естеству, и соделался человеком, которым не был, и тем, кои веруют в Него, сообщает от Божества Своего, которого никогда никакой не имел человек, и – верующие сии бывают богами по благодати. Ибо Христос дает им *власть чадами Божиими быти*, как говорит Иоанн Богослов. Вследствие сего они соделоваются и навсегда потом пребывают богами по благодати, и никогда уже не престанут быть таковыми. Послушай, как внушает нам сие святой Павел, говоря: *якоже облекохомся во образ перстного, да облечемся и во образ Небесного* (1 Кор. 15, 49). Сказанного нами о сем достаточно. Теперь возвратимся опять к нашему предмету.

Поелику Бог всего сущего, Господь наш Иисус Христос, сошел на землю и соделался человеком для того, чтобы воссоздать и обновить человека и низвести благословение на всю тварь, подвергшуюся проклятию за человека, то, во-первых, оживотворил Он воспринятую Им душу и обожил ее, пречистое же и Божественное тело Свое, хотя и соделал Божеским, но носил его тленным и грубо вещественным. Ибо то тело, которое вкушает пищу, пьет, утруждается, испускает пот, связуется, заушается, пригвождается ко кресту, очевидно, тленно есть

и вещественно, потому что все сказанное есть принадлежность тела тленного. Почему оно и умерло, и положено во гроб мертвым; после же тридневного Воскресения Господня и тело Его воскресло нетленным и Божественным. Почему, когда исшел Он из гроба, не разрушил печатей, бывших на гробе, и после входил и выходил *дверем заключенным*. Но почему вместе с душою тотчас же и тела Своего не соделал Он нетленным и таким духовным? Потому, что Адам, преступив заповедь Божию, душою тотчас умер, а телом умер уже спустя столько лет. В соответствие этому и Господь Спаситель прежде воскресил, оживотворил и обожил душу, которая тотчас по преступлении заповеди понесла епитимию смерти, а после благоволил Бог устроить, чтоб и тело Его восприняло нетление Воскресения, как и во Адаме оно спустя много лет понесло епитимию смерти. Но не это только сделал Христос, но сошел и во ад, освободил от вечных уз и оживотворил души святых, которые там содержимы были, но тел их не воскресил тогда же, а оставил их в гробах до общего воскресения всех.

И таинство сие, явно для всего мира сказанным нами образом бывшее во время воплощенного Домостроительства Христова, таким же образом и после того совершалось и совершается в каждом христианине. Ибо когда мы приемлем благодать Иисуса Христа, Бога нашего, то соделоваемся причастниками Божества Его (2 Пет. 1, 4), и когда вкушаем Пречистое Тело Его, то есть когда причащаемся Святых Таин, то бываем сотелесниками Ему и сродниками воистину, как говорит и божественный Павел: *зане уди есмы тела Его, от плоти Его, и от костей Его* (Еф. 5, 30), и как опять говорит евангелист Иоанн, что *от исполнения Его мы еси прияхом и благодать возблагодать* (Ин. 1, 16). Так по благодати соделоваемся мы подобными Ему, человеколюбивому Богу нашему и Господу, и являемся по душе обновленными из ветхих и оживотворяемыми из мертвых, какими были.

Так, всякий святой бывает таким, как мы сказали; тело же их не делается тотчас нетленным и духовным. Но как железо, разжженное огнем, делается причастным светлости огня, отлагая природную свою черноту, и как только выйдет из него огонь и оно остынет, является опять черным, так бывает и с телами святых, что, когда бывают они причастными Божественного одного огня, то есть благодати Святого Духа, исполняющего души их, то освящаются и, будучи пронизаемы Божественным оным огнем, бывают светлыми, особенными от всех других тел и честнейшими их; но когда душа выходит из тела, тогда тела их предаются тлению, и иные мало-помалу разлагаются и бывают прахом, а другие не разлагаются в продолжение многих лет, и ни нетленными совершенно не бывают, ни опять совершенно тленными, а сохраняют в себе признаки и тления, и нетления, пока не восприимут совершенного нетления и не обновятся совершенным воскресением во время общего воскресения мертвых. И по какой это причине? По той, что не подобает телам людей облекаться в славу воскресения и делаться нетленными прежде обновления всех тварей. Но как в начале прежде вся тварь сотворена нетленною, а потом из нее взят и создан человек, так надлежит и опять прежде всей твари сделаться нетленною, а потом обновиться и стать нетленными и тленным телам людей, да будет снова весь человек нетленен и духовен и да обитает в нетленном, вечном и духовном жилище. А что это истинно, послушай, что говорит апостол Петр: *приидет день Господень яко тать в нощи, в онъже небеса убо с шумом мимоидут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят* (2 Пет. 3, 10). Не то сие значит, что небеса и стихии исчезнут, но что они возустроены и обновлены будут, и придут в лучшее и нетленное состояние. И это, что говорю я, явно опять из слов того же апостола Петра, который говорит: *нова небесе и новы земли по обетованию Его чаем* (2 Пет. 3, 13), то есть по обетованию Христа и Бога нашего, Который сказал: *небо и земля мимоидут, словеса же Моя не мимоидут* (Мф. 24, 35), – мимомощием неба называя изменение его, то есть небо изменится, а словеса Мои не изменятся, а пребудут навсегда неизменными. И святой пророк Давид предсказал то же там, где говорит: *и яко одежду сиеши я, и изменятся. Ты же*

тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют (Пс. 101, 27). Из таких слов что другое явствует, как не то, что я сказал?

4. Но посмотрим, как тварь имеет возобновиться и прийти опять в состояние первоначальной красоты? Полагаю, что ни один христианин не подумает не поверить словам Господа, давшего обетование сделать небо новым и землю новою, то есть что как собственные наши тела, разрешающиеся теперь на стихии и, однако ж, в ничто не обращающиеся, опять возобновлены будут через воскресение, – так и небо и земля со всем, что на ней, то есть вся тварь имеет возобновлена быть и освобождена от работы тлению, и эти стихии вместе с нами сделаются причастными светлости, происходящей от Божественного огня. Как какой-нибудь сосуд медный, обветшавший и сделавшийся негодным, когда медник, растопив на огне, перельет его, делается опять новым, таким же образом и тварь, обветшавшая и ставшая непотребною по грехам нашим, будет Богом Творцом как бы растоплена в огне и перелита, и явится новою, несравненно светлейшею, нежели как она теперь есть. Видишь, как все твари имеют обновиться огнем. Почему божественный Петр и говорит: *сим убо всем разоряемым, кацем подобает быти вам во святых пребывании и благочестиих?* И немного ниже: *темже, возлюбленнии, сих чающе, потщитесь нескверни и непорочни Тому обрестися в мире, и Господа нашего долготерпение спасение нелицуйте, якоже и возлюбленный брат наш Павел по данней ему премудрости написа вам, якоже и во всех своих посланиях, глаголя в них о сих: в них-же суть неудобь разумна некая, яже ненаучени и неутверждени развращают, якоже и прочая писания к своей погибели им* (2 Пет. 3, 11, 14–16). И это не тогда только делалось, но и в настоящее время очень многие, или и все почти мы делаем, по невежеству своему все извращая и перетолковывая слова Божественного Писания и всячески стараясь сделать их споспешниками себе в страстях и пагубных похотениях своих. Но посмотрим, что говорит и божественный Павел о творении и обновлении его. Сказав, что *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас*, вслед за сим говорит он: *чаяние бо твари откровения сынов Божиих чае* (Рим. 8, 18, 19). Чаянием называет он сильное желание твари, чтоб поскорее сбылось откровение, или явление во славе сынов Божиих, какое имеет совершиться во всеобщее воскресение. Ибо тогда, во всеобщее воскресение, с пришествием Сына Божия обнаружатся сыны Божии, проявится красота их и слава, и они всецело, то есть и душою и телом, сделаются светлосиянными и препрославленными, как написано: *тогда праведницы, то есть сыны Праведного Бога, просветятся яко солнце* (Мф. 13, 43). Но чтобы не подумал кто, что сказанное апостолом относится к другой какой-либо твари, он прибавил: *суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании* (Рим. 2, 20). Видишь, что тварь не хотела повиноваться и служить Адаму, после того как он преступил заповедь Божию, потому что видела, что он испал от Божественной славы? Для сего-то Бог прежде сотворения мира предопределил быть спасению человека через возрождение, какое имел он получить в силу воплощенного Домостроительства Христова, и на сем основании подчинил ему тварь и покорил ее тлению, так как тленным сделался человек, для которого она создана, – чтоб она каждогодно доставляла ему тленную пищу, – положив, когда обновит человека и сделает его нетленным, бессмертным и духовным, тогда вместе с ним обновить и всю тварь и сделать ее вечною и нетленною. Вот что открыл апостол приведенными словами: *суете тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании*, то есть тварь повинувшись людям не сама по себе и не по своей воле сделалась тленною, дает плоды тленные и произращает терния и волчцы, но покорилась повелению Бога, Который определил сие для нее на уповании, что опять обновит ее. Чтоб полнее удостоверить в этом, апостол говорит наконец: *яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих* (Рим. 2, 21). Видишь, что вся эта тварь в начале была нетленною и создана Богом в чине рая? Но после Богом подчинена тлению и покорилась суете человеков.

5. Познай также и то, что это за прославление и светлосиянность твари будут в будущем веке? Ибо когда она обновится, то не будет опять такою же, какою была, когда была создана в начале, но будет такою, каким, по слову божественного Павла, будет наше тело. О теле нашем говорит апостол: *сеется тело душевное, восстает* не таким, каким было тело первозданного прежде преступления заповеди, то есть вещественным, чувственным, преложным, имеющим нужду в чувственной пище, – но *восстает тело духовное* (1 Кор.

15, 44) и непреложное, такое, каким по воскресении было тело Господа нашего Иисуса Христа, второго Адама, перворожденного из мертвых, каковое несравненно превосходнее тела первозданного Адама. Таким же образом и вся тварь по повелению Божию имеет быть по всеобщем воскресении не такою, какою была создана – вещественною и чувственною, но имеет быть пересоздана и соделаться неким невестественным и духовным обиталищем, превышим всякого чувства, и как о нас говорит апостол: *все бо не уснем, все же изменимся, вскоре, во мгновении ока* (1 Кор. 15, 51, 52), так и вся тварь, после того как перегорит в Божественном огне, имеет измениться, да исполнится и пророчество Давида, который говорит, что *праведницы наследят землю* (Пс. 36, 29), – конечно, не чувственную. Ибо как возможно, чтобы те, которые сделались духовными, наследовали землю чувственную? Нет, они наследят землю духовную и невестественную, чтобы иметь на ней достойное славы своей жилище, после того как сподобятся получить тела свои бестелесными, высшими всякого чувства.

Так вся тварь после того, как обновится и сделается духовною, станет обиталищем невестественным, нетленным, неизменным и вечным. Небо станет несравненно более блестящим и светлым, чем оно теперь видится, станет совсем новым; земля восприимет новую неизреченную красоту, одевшись в многообразные неувядаемые цветы, светлые и духовные. Солнце будет сиять в семь раз сильнее, чем теперь, и весь мир сделается совершеннейшим паче всякого слова. Сделавшись духовным и Божественным, соединится он с умным миром, явится неким мысленным раем, Иерусалимом Небесным, некрадомым наследием сынов Божиих. Этой земли не наследовал еще ни один человек; все мы странники и пришельцы. Когда же земное соединится с небесным, тогда и праведники наследят ту землю, обновленную уже, которой наследниками имеют быть те кроткие, кои ублажаются от Господа. Теперь пока иное из земного соединяется с небесным, а иное имеет еще соединиться с ним. Души святых, как мы сказали, при всем том, что соединены еще с телом в мире сем, соединяются с благодатию Святого Духа, – обновляются, изменяются на лучшее и воскресают от мысленной смерти; потом, по разлучении с телом, отходят в славу и светлосиянный свет невечерний; тела же их не сподобляются еще сего, но остаются во гробах и в тлении. Имеют и они сделаться нетленными во время общего воскресения, когда и вся эта видимая и чувственная тварь сделается нетленною и соединится с небесным и невидимым. Этому надлежит совершиться прежде, – и тогда приидет с силою и славою многою превозделенный и сладчайший Иисус Христос, Царь и Бог наш, судить мир и воздать каждому по делам его. Для сего разделяет Он обновленную тварь на многие обители и покоища, как бы дом какой великий или какие царские палаты со множеством разных помещений, и даст каждому часть его, какая кому подобает, соответственно светлости и славе, стяженной добродетелями. Так, Царство Небесное будет единое и иметь единого Царя всяческих, Который отовсюду будет виден всем праведным; будет Он спребывать с каждым праведным, и всякий праведный будет спребывать с Ним; будет светло сиять в каждом, и каждый будет светло сиять в Нем. – Но горе тем, которые окажутся тогда сущими вне одного небесного обиталища!

6. Но как об этом уже сказано довольно, то теперь я намерен раскрыть вам сколько можно и то, каким образом святые соединяются со Христом Господом и бывают едино с Ним. Все святые суть воистину члены Христа Бога и, как члены, сочетаны с Ним и соединены с телом Его, так что Христос есть глава, а все, от начала до последнего дня, святые –

члены Его, и все они в совокупности составляют единое тело и, как бы так сказать, одного человека. Иные из них состоят в чине рук, делающих даже доселе, которые, исполняя все-святую волю Его, претворяют недостойных в достойных и представляют их Ему; иные – в чине рамен тела Христова, которые друг друга тяготы носят или, возложив на себя обремененное овца погибшее, блуждавшее там и здесь, в горах и пропастях, приносят ко Христу и так исполняют закон Его; иные – в чине груди, которые источают для жаждущих и алчущих правды Божией чистейшую воду слова премудрости и разума, то есть научают их слову Божию и преподают им мысленный хлеб, который вкушают святые Ангелы, то есть истинное богословие, как наперсники Христовы, возлюбленные Ему; иные – в чине сердца, которые в лоне своем любовью вмещают всех людей, приемлют внутрь себя дух спасения и служат хранилищем неизреченных и сокровенных Таин Христовых; иные – в чине чресл, которые имеют в себе родительную Божественных помышлений таинственного богословия силу и словом учения своего в сердца людей всевают семя благочестия; иные, наконец, – в чине костей и ног, которые являют мужество и терпение в искушениях, подобно Иову, и пребывают неподвижными в стоянии своем в добре, не уклоняются от налегающей тяготы, но охотно принимают ее и бодренно несут до конца. Таким-то образом стройно составляется тело Церкви Христовой из всех от века святых Его, бывает цело и всесовершенно, да будут едино все сыны Божии, перворожденные, на небесах написанные.

А что все святые суть члены Христовы и бывают едино тело, докажу это вам от Божественного Писания. И, во-первых, послушайте Самого Спасителя нашего, Христа Господа, как Он представляет нераздельное единение, какое имеют с Ним святые, в словах, сказанных Им апостолам: *Веруйте Мне, яко Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 11). *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20); еще: *не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вт едино будут*. Желая же показать, каким образом совершается сие единение, говорит далее: *якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут*. И чтобы это еще яснее стало, прибавляет: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже и Мы едино есма: Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино*. Немного же спустя говорит еще: *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне*. Наконец: *да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них* (Ин. 17, 20–26). Видишь глубину таинства сего? Познал пребеспредельное преизобилие преизобильной славы? Слышал о способе единения, превосходящем всякое помышление и разум? Сколь дивно сие, братие! Сколь неизреченно снисхождение любви человеколюбивого Бога, какое имеет Он к нам! Он дает обетование, что, если хотим, Он будет иметь с нами такое же единение по благодати, какое единение Сам Он имеет со Отцом по естеству, что и мы такое же точно единение возымеем с Ним, если будем творить заповеди Его. Что Сам Он имеет ко Отцу по естеству, то самое дает Он иметь и нам к Нему по благоволению и благодати.

О, страшное обетование! Ту славу, которую дал Отец Сыну, дает и нам Сын по благодати. И, что всего превыше, – как есть Сын во Отце и Отец в Сыне, так и Сын Божий бывает в нас и мы в Нем по благодати, если восхощем. О, благодать несравненная! Та любовь, какою возлюбил Бог и Отец едиnorodного Сына Своего и Бога нашего, та самая имеет пребывать и в нас, – и сам Сын Божий имеет быть в нас. – И благословно. Ибо единожды соделавшись сродным нам по плоти и нас соделав причастниками Божества Своего, Он тем самым соделал нас всех сродниками Своими. И другим способом (объясняя дело), – поелику Божество, сообщаемое нам через общение с Господом, есть несекомо и неотделимо, то необходимо и нам, сделавшись воистину причастниками сего Божества, быть неотделимыми от Христа, быть во едином духе единым телом. А что это так есть, как я говорю, послушай, что говорит святой Павел: *во Христе Иисусе несть раб, ни свободь, несть иудей, ни еллин, несть варвар, ни скиф, но всяческая и во всех Христос* (Гал. 3, 28; Кол. 3, 11). Видишь, что не сказал он:

все христиане, но – все един Христос, как единое тело из многих членов. Послушай еще, как он же открывает это в другом месте. Сказав, что *комуждо дается явление Духа на пользу*, и перечислив разные дарования благодатные, говорит потом: *вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо якоже хочет*. И желая показать, что хоть разные силы Духа Святого подаются святым членам Христовым, но все они составляют единое тело, присовокупляет: *якоже тело едино есть и уды имать многи, вси же уди единаго тела, мнози суще, едино суть тело: тако и Христос. Ибо едином Духом мы вси во едино тело крепстихомся, аще иудее, аще еллини, или раби, или свободни: и вси едином Духом напоихомся. Ибо тело несть един уд, но мнози* (1 Кор. 12, 7-14). Как в вечных обителях Бог каждому святому дает подобающую ему часть, как мы сказали прежде, так и в теле Церкви каждый причитается в такой член Христов, каким быть достоин. Это показывает опять тот же апостол Павел и в том же Послании, говоря: *ныне же положи Бог уды, единаго коегождо их в телеси, якоже изволи* (1 Кор. 12, 18). Итак, членов много, а тело одно. Желая же показать различие сих членов и какие это члены, говорит он: *вы есте тело Христово, и уди от части*.

И овых убо положи Бог в Церкви первое апостолов, второе пророков, третье учителей, потом же силы, таже дарования изцелений, заступления, правления, роди языков (1 Кор. 12, 27, 28).

Видел теперь различие членов Христовых? Познал, какие это члены? Послушай теперь о единении сих членов со Христом и о том, как и святой Павел объясняет его согласно с Господом. Господь наш сказал, что какое единение имеет Он со Отцом, такое же единение имеем и мы с Ним. И апостол Павел говорит, что мы имеем со Христом такое же единение, какое единение имеет муж с женою своею и жена с мужем своим. Именно он говорит: *жены, своим мужем повинуйтеся, якоже Господу, зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава Церкви, и Той есть Спаситель тела*. И опять: *мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюбил Церковь, и Себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе, да представит ю Себе славу Церковь, не имущу скверны или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна*. Немного ниже говорит опять: *любяй свою жену* (вникни, прошу, потщательнее в смысл слова), *себе самага любит. Никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и Господь Церковь: зане уди есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 22–30). Видишь, как он показал нам, что как Ева бысть от плоти и от костей Адама и были они оба в плоть едину, так и Христос преподает нам Себя Самого, да будем причастниками плоти Его и костей Его, – каковые показал Он апостолам, когда по воскресении из мертвых явился им и сказал: *осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лк. 24, 39). Сии-то кости и сию-то плоть дает Он нам вкушать в Пречистых Таинах, – и сим способом общения делает нас едино с Самим Собою. И святой Павел, желая показать предивное единение, какое имеем мы с Богом, говорит после приведенных слов: *сего ради оставит человек отца своего и мать, то есть ради Христа оставит человек кровное родство свое, и прилепится к жене своей, то есть к Церкви, и будета два в плоть едину* (Еф. 5, 31), то есть в Плоть Христа и Бога. А что слово Павлово именно такой имеет смысл, а не мы посредством своих умозаключений придумываем его, сие явствует из слов апостола, которые он говорит вслед за сим: *тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа, и во Церковь* (Еф. 5, 32). И воистину тайна сия есть и пребудет великою, и превыше всего великого. Какое единение, общение, освоение и сроднение имеет жена с мужем и муж с женою, такое же единение и сроднение имеет и Владыка наш и Творец всяческих со всею Церковью, как с единою женою, и бывает едино с нею, и всегда нераздельно пребывает с нею, как с возлюбленной Ему. Но единение сие бывает боголепно, как лепо есть Богу единиться с Церковью, – что и недомыслимо, и неизреченно. Опять и Церковь единится с любимым от нее Богом и прилепляется к Нему так, как тело прилеплено к своей голове. Ибо как тело не может жить без своей головы, так

и Церковь – собрание верующих, то есть сынов Божиих, на небесах написанных, не может быть цельным и совершенным телом без Главы своей, Христа Бога нашего, и не может жить истинной и вечной жизнью, если не будет питаема от Него каждодневно насущным хлебом, от коего приемлют истинную жизнь все любящие Его и растут в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Его. Поелику, таким образом, из сказанного явно, что все святые, от начала мира бывшие и имеющие быть до скончания его, составят единое тело со Христом и во Христе, то есть благодатию Христовою; то скажу теперь и о том, каким образом подобает наполниться вышнему миру.

7. Но прошу, отверзите слух ваш и внемлите добре, потому что слово наше будет о Божественных вещах. И, во-первых, надобно нам познать, какой это мир, коему надлежит наполниться, и притом так, что если он не наполнится, то не придет и конец, по святому Григорию Богослову; во-вторых, надо познать, какой это конец, о коем говорит он. Я полагаю, что мир преукрашенный есть Церковь Христова и весь человек, в коем, как говорит Писание, обитает и ходит Бог (взято из: *вселюся в них и похожду*), и посылает в него светлые лучи благодатных даров Своих, яко Солнце Сый правды. О Церкви слышали мы выше, что она называется телом Христовым и невестою Его, как говорит невестоводитель ее святой Павел: *обручих вас единому Мужу деу чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2), – и пророк Давид: *предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена* (Пс. 44, 10). Хотя слова сии относятся ко Пресвятой Богородице, но приличествуют и Церкви Сына Ее и Бога, как показывает следующая за тем речь: *приведутся Царю девы* (то есть души) *в след ея, искренния ея* (души) *приведутся Тебе: приведутся в веселии и радовании, введутся во храм Царев* (15, 16). Храм сей, о коем здесь говорится, какой это, полагаешь ты, есть, и как есть? Думаешь ли, что это есть другое какое обиталище, вне и кроме сего Самого Царя? Нет, не другое. Ибо как Христос есть Глава Церкви, так Он же Сам есть опять и храм ее, как и Церковь есть храм Христов и мир прекрасный, как явно из сказанного нами выше, – что, впрочем, надобно снова пересказать для лучшего уяснения дела. – Господь наш Иисус Христос говорил ко Отцу Своему, в слух апостолов и всех верующих: *не о сих молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино будут* (Ин. 17, 20, 21). Как да будут едино? *Якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тиши в Нас едино будут* (Ин. 17, 21). Видишь, как Он есть и Царь, и храм всех спасаемых? Познай же и то, как опять и все верующие, то есть царица – Его Церковь, и девы, последующие вслед ее, то есть души верных, будут храмом и миром Царя и Бога. И познай сие, во-первых, от Самого Царя Христа, Который говорит: *Аз в них, и Ты, Отче, во Мне, да будут совершени во едино* (Ин. 17, 23). Потом познай сие и от ученика Его, который говорит: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3, 16). Видишь, как слова апостола согласны со словами Владыки Христа? Эти апостольские слова показывают, что Церковь есть храм, град, мир Царя Бога. И ведай, что Бог, говоривший тогда через пророков и апостолов, Он же Самый и теперь говорит через них.

8. Поелику же Церковь есть Тело Христово, и невеста Христова, и мир вышний, и храм Божий, члены же Тела сего суть все святые, а между тем они не все еще родились и благоугодными показали себя, то явно, что тело Христово еще не есть целое вполне, что не наполнился еще и вышний мир, то есть не весь еще сонм людей вошел в Церковь Божию. Но и донныне есть еще в мире много неверующих, которые имеют уверовать во Христа, есть много грешников, которые имеют покаяться, есть много непокоривых, которые имеют покориться Христу; многие еще имеют родиться и благоугодить Богу, прежде чем вострубит последняя труба. Итак, надлежит родиться всем предуведанным от Бога и наполниться превысшему сего мира миру Церкви первородных, Иерусалиму Небесному; и тогда совершится полнота Тела Христова, приняв в себя всех предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны света и дня. Таковые все суть предопределенные и преднаписанные, и в число спасенных включенные, и имеют соединиться и сочетаться с Телом Христо-

вым, которое тогда сделается всецело полным и совершенным Телом Христовым, и не будет уже у него ни одного недоставать члена. Так есть воистину, как открывает апостол Павел, говоря: *дондеже достигнем вси в соединение веры... в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). *Ихже бо предудеде, тех и предустави сообразных быти образу Сына Его: а ихже предуставы, тех и призва; а ихже призва, сих и оправда: а ихже оправда, сих и прослави* (Рим. 8, 29, 30). Видишь, как все святые предудеваны и предопределены. Послушай еще, как апостол говорит, что они еще и написаны на небесах: *приступите к Сионстей горе и ко граду Бога живаго, Иерусалиму Небесному и тмам Ангелов, торжеству и Церкви первородных на небесах написанных* (Евр. 12, 22, 23). Если же они таким образом написаны, то явно, что и исчислены, как написано: *позна Господь сущия Своя* (2 Тим. 2, 19), и как говорится в Евангелии: *вам же и власи главнии вси изочтени суть* (Мф. 10, 30). Если и власы главы нашей изочтены у Бога всеведущего, не тем ли паче изочтены мы сами? Итак, поелику все святые предудеваны, предопределены и исчислены, как и написаны по имени на небесах, и поелику все они суть члены Христовы и имеют быть все едино Тело Христово, то явно, что когда все они собраны будут и составят полное Тело Христово, тогда и вышний мир, Иерусалим Небесный, который есть Церковь первородных, наполнится, и тело царицы Божией, Церкви, которая есть Тело Христа Бога, явится всецело полным и совершенным. – Где теперь те, которые в суеде ума своего, на пагубу себе, выдумывают какие-то обители вне Царства Небесного? Где те, которые говорят: не хотим войти в Царство Небесное, потому что это много для нас, но хотим быть в каком-нибудь месте упокоения, – и этого достаточно для нас? Все от века святые составят единое Тело Христово; где же инуды хотят быть эти, если окажутся недостойными быть в Телѣ Христовом и отсечены будут от него, как члены непотребные? Воистину *осуетились они помышлениями своими и омрачилось неразумное их сердце: глаголющия быти мудри, объюрودهша* (Рим. 1, 21, 22).

9. Посмотрим, что это за брак таинственный? Святое Евангелие говорит: *уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему* (Мф. 22, 2). Кого здесь называет царем Господь наш Иисус Христос? Никого иного, как Самого Бога и Отца Своего. И для кого другого сотворил Отец браки, кроме Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа? Какого же царя дочь благоволил Владыка всяческих и Господь избрать в невесту Сыну Своему? Из нас, людей, каждый, собираясь женить сына своего, со всем вниманием высматривает ему в невесты дочь какого-нибудь более знатного и более богатого, чем сам он. Но Бог кого найдет хоть бы сколько-нибудь равным Себе, чтоб дочь его взять в невесты Сыну Своему? О сем царѣ говорится у пророков, что Он есть *содержай круг земли, и живущий на ней яко пружи* (Ис. 40, 22), *Бог вечный, Бог устроивый концы земли* (Ис. 40, 28), и *на ничесомже утвердивый столпы ея* (Иов. 38, 6), *призирая на землю и творяя ю трястися* (Пс. 103, 32). Итак, такой царь, чью дочь взял в невесты и сотворил браки Сыну Своему? Узнаете, чью. Но безмерное снисхождение Божие делает меня иступленным. Хочу сказать и трепещу. Но опять воодушевляясь благостью Его, приемлю смелость и говорю, что взял Он дочь человека, согрешившего пред Ним, сотворившего блуд и убийство, то есть взял в невесты дочь блудника и убийцы. Видишь ли благость и снисхождение неизреченное и несравненное? Видишь ли презельное человеколюбие? Видишь ли море любви и благодати? После сего всякий, считающий себя великим, пусть научится из того, что я говорю, смиренно-мудрствовать и никого никогда не презирать, хотя бы он был царь, величайший всех других царей, или вельможа, знатнейший всех других вельмож, или богач, богатейший всех богачей. Пусть взирает он на Владыку и Господа всяческих, Святого святых, блаженного Бога и единого Вседержителя, живущего во свете неприступном и неизреченном, – на Него, говорю, пусть смотрит, как Он снизошел столь много, что благоволил взять дочь блудника и убийцы в невесты Единородному Сыну Своему, невидимому, непостижимому, неисследимому, Содетелю и Творцу всяческих, тебя ради и твоего ради спасения. Но кто

сей блудник и убийца, коего дочь избрал Бог в невесты Ему? Давид, сын Иессеев, убивший Урию и соблудивший с женою его. Его-то дочь, говорю, Марию, Пренепорочную, Чистую и Пречистую Деву взял Он в невесты. Я называю Ее Пренепорочною и Пречистою, сравнивая Ее с нами, человеками, рабами Ее; но сравнивая Ее с Женихом Ее и Отцом Его, называю Ее человеком, как и все люди, только Святою и Пресвятою паче всех людей, Непорочною и Чистейшею из всех родов.

Итак, Ее, Деву Марию, взял Он в невесты и сотвори браки Сыну Своему. Каким образом? Слушай повнимательнее. Отец Господа нашего Иисуса Христа послал с высоты небесной одного из рабов Своих, Гавриила Архангела, сказать Деве: радуйся! Он тотчас сошел на землю и соделался служителем таинства, говоря Деве: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! И со словом сим во утробу Девы вошло все ипостасное, единосущное и совечное Отцу Слово Бог, и через наитие и содействие единосущного Ему Духа восприяло плоть от непорочных и чистых кровей Ее, соделавшись совершенным человеком с телом и душою. И се неизреченное сочетание!

Се таинственный брак Божий! Так совершился новозаветный союз Бога с человеками: Он принял плоть и даровал Божество. Сам пресущественный, преестественный, Бог неслиянно соединился с тленным и бедным естеством и существом нашим человеческим. Зачала Дева, и предивно родила о двух естествах, Божестве и Человечестве, единого Сына, совершенного Бога и совершенного Человека, Господа нашего Иисуса Христа, Который ни девства Матери Своей не нарушил, ни от недр Отца Своего не отлучился.

Впрочем, руководясь словами Святого Евангелия, мы можем помыслить при сем и сказать и иное нечто, что таинственно всегда бывает со всеми сынами света. Ибо по какой причине не сказано: сотвори брак Сыну Своему, а – *браки*? По какой? По той, что такой же точно брак бывает и с каждым верным сыном дня. Бог и с нами сочетается пречистым и пренепорочным браком и производит в нас некое таинство, высшее всякой человеческой силы. Что же такое есть это, производимое Им в нас? Послушай со вниманием, да уразумеешь. После того, как Сын Божий и Бог, вошед во утробу Пресвятой Девы и восприяв от Нее человеческое естество, и соделавшись человеком, родился от Нее, как мы сказали, совершенным человеком и совершенным Богом, будучи один и тот же и Бог и человек неслиянно, – после сего, коль скоро и мы, человеки, веруем в Сына Божия и Сына Приснодевы и Богородицы Марии и, веруя, приемлем верно в сердца свои слово о сем и устно сие исповедуем, каюсь при сем от всей души во всех прежних грехах своих, тотчас сей Бог Слово Отчее входит и в нас, как и во утробу Приснодевы: мы приемлем Его, и Он бывает в нас, как семя. Слыша о сем страшном таинстве, ужасайся, но приемли слово о нем с верою и убеждением. Так зачинаем Его и мы, не телесно, как зачала Дева и Богородица Мария, но духовно, однако же существенно. Мы имеем в душах своих Того Самого, которого зачала и Пренепорочная Дева, как говорит божественный Павел: *Бог рекий из тмы свету возсияти, Иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о лице Иисус Христове* (2 Кор. 4, 6). Это то же есть, как бы он сказал: Сам Он весь существенно вошел в нас. А что такой смысл имеет слово апостола, это видно из следующих за тем слов: *имамы же сокровище сие в скудельных сосудех* (2 Кор. 4, 7). Сокровищем называет он Сына Божия, в Коего благодатию Святого Духа облакаемся и Коего имеем в сердцах своих. Так и мы, когда веруем от всей души, все-сокрушенно каемся, зачинаем в сердцах своих Бога Слово, как Дева, имея то есть и мы души свои девственными и чистыми. И как Пресвятой Девы не опалил огонь Божества, так как Она была Пренепорочна, так и нас не опаляет он, когда имеем сердца свои чистыми и непорочными, но бывает в нас небесною росой, источником воды живой, потоком жизни вечной. Что мы подобным образом приемлем непокровенный огонь Божества, об этом послушай, как говорит Сам Господь: *огня приидох вовреши на землю* (Лк. 12, 49). Какой это другой огонь, кроме единосущного по Божеству Духа, с Коим вместе входит в нас и созерцается и Сын со

Отцом? Но поелику Сын Божий и Бог воплотился уже однажды от Девы и родился от Нее телесно, паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться и рождаться телесно в каждом из нас, то что Он творит? Ту самую пренепорочную плоть, которую принял Он от Пречистой Марии Богородицы и в коей от Нее родился, преподает нам в Таинстве, и, вкушая ее, мы имеем внутри себя, разумеется каждый достойно причащающийся, всего воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Девы, Пренепорочной Марии, сидящего одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно, яко плод чрева, как был в Пресвятой Деве, но есть бестелесно в нас, и соединяется с существом и естеством нашим неизречно, и нас обоготворяет, так как мы соделоваемся сотелесниками Ему, бывая плоть от плоти Его и от костей Его.

И сие-то есть великий плод неизреченного Домостроительства и снисхождения к нам Господа нашего! Сие-то есть страшное таинство, о коем пишу, трепеща! Но поелику Бог хочет, чтоб любовь Его к нам была явно представляема всем, дабы и мы иной раз помыслили о великой Его благодати и, устыдясь, возревновали и сами восприять любовь к Нему, то и я подвигся к тому, чтобы письменно объявить вам о сем таинстве. Не то я доказываю, будто какой-нибудь человек уподобляется Пресвятой Деве, родившей Господа, по образу неизреченного рождения Ее. Да не будет. Этому быть никак невозможно, потому что ино есть воплощенное рождение Бога Слова, бывшее от Пресвятой Богородицы, и ино то, которое бывает духовно в нас. В том воплощенном рождении, в коем Пресвятая Богородица родила Сына Божия и Бога воплощенного, совершилось таинство воссоздания рода человеческого и спасения всего мира, которое есть Господь наш и Бог Иисус Христос, соединивший в Себе расстоящиеся естества – Бога и человека, и понесший грех мира. А это духовное рождение совершает в нас таинство обновления душ человеческих, благодатию Святого Духа соединяя и сочетавая нас с воплотившимся Сыном Божиим и Богом, через Коего мы *во чреве прияхом и поболехом, и родихом дух спасения* (Ис. 26, 18). Возвещаю же я о сем для того, чтоб явно представить неизреченную любовь Божию к нам и то, что если захотим, то и мы все, изъясненным выше способом, можем соделаться матерью Иисуса Христа Господа и братьями Его, и подобными ученикам Его и апостолам, не по достоинству оных и не по трудам, какие подъяты ими в проповеди Евангелия, но по благодати Божией, которую богато изливает Он на верующих в Него и последующих Ему, не возвращаясь вспять, как Сам Христос всем явно возвещает о сем, говоря: *Мати Моя и братия Моя ст суть, слышащии слово Божие и творящии е* (Лк. 8, 21). Видишь, как Он всех, слышащих слово Его и творящих оное, возводит в чин матери Своей и называет их братьями и сродниками Своими? Но в самой вещи Материю Его есть Пресвятая Богородица, неизречно родившая Его воплощенным, а святые все зачинают и имеют Его в душах своих по благодати. От Пренепорочной Матери Своей Он заимствовал пречистую плоть, а Ей даровал Божество вместо плоти, которую Она дала Ему. О, предивный и пречудный обмен! А от святых не заимствует Он плоти, но им преподает собственную обоженную плоть. Помысли, сколь велика глубина сего таинства! Огнь Божества Спасителя нашего и Бога есть от существа и естества Отца, а плоть Его не оттуда есть, но от пречистой и пресвятой плоти Богородицы и от пречистых Ее кровей. От Нее принял Он плоть, сделал ее своею и обожил, по слову Евангелия, которое гласит: *и Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14). И теперь преподает сию плоть святым Своим – Он, Сын Бога и Отца и Пресвятой Богородицы Марии. От естества и существа присносущного Отца Своего подает Он им благодать Духа, то есть Божество, как говорит через пророка Иоила: *и будет в последния дни, излию от Духа Моего на всяку плоть* (Иоил. 2, 28), то есть верующую; и от существа и естества Матери Своей дает плоть, которую принял от Нее. И как *от исполнения Его*, то есть от Божества, *мы вси прияхом* (Ин. 1, 16), так все причащаемся и Пречистой Плоти Его, которую принял Он от Матери Своей. И как Христос и Бог наш соделался Ее

Сыном и братом нам; там и мы, о неизреченное человеколюбие, делаемся сынами Богородицы, Матери Его, и братьями Его, Христа и Бога нашего. От Нее и в Ней непостижимо родился Сын Божий; а от Него родились и рождаются все святые. Матерь Божия восприяла, как семя, Слово Бога и Отца, зачала и родила только Его одного, рожденного от Отца прежде всех век и воплотившегося от Нее в последние лета. Его только одного родила Она, а Он, Сын Ее, каждый день рождает тех, которые веруют в Него и хранят заповеди Его. Семя смертного и тленного мужа рождало и рождает от жены сынов тленных и смертных, а бессмертное и нетленное воплощенное Слово бессмертного и нетленного Бога рождало и рождает всегда сынов бессмертных и нетленных. Как Сам Он первый родился во Святом Духе от Пресвятой Богородицы, а от Него все святые, то Матерь Божия есть Матерь и всех святых, Госпожа, Царица и Владычица, а все святые суть Ее рабы, так как Она есть Матерь Божия. Суть они и Ее сыны, потому что причащаются Пречистой Плоти Сына Ее. Слово сие истинно, потому что Плоть Господня есть плоть Богородицы. И когда причащаемся мы сей Плоти Господа обоженной, исповедуем и веруем, что причащаемся жизни вечной, кроме разве если вкушаем ее недостойно, на осуждение себе самим. Так святые суть сродники Богородицы по трем причинам: первая та, что от той же земли имеют тело и от того же дуновения Божия душу; вторая та, что причащаются Плоти, которую Христос приял от Нее; третья та, что каждый из них освящением и благодатию нисходящего на них Духа восприимлет и имеет в себе Бога всяческих, как и Пресвятая Богородица прияла и имела Его в Себе Самой. Ибо хотя Она родила Его телесно, но несомненно, что имела Его в Себе всего и духовно, имеет Его и теперь всегда неотлучным от Нее.

Вот таинство браков, кои сотворил Бог и Отец равночестному, единосущному и соприносущному Единородному Сыну Своему и звал на них многих. Он послал рабов Своих звать званных на браки, но они не хотели пойти. Кто же были эти посланные? – Пророки. А кто позванные? – Евреи. Они и тогда, и с самого начала были позваны, но не хотели слушать звавших. Тогда послал, говорит Евангелие, Царь Отец других рабов, говоря: *рцыте званным: се, обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: приидите на браки. Они же небрегие отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя: прочии же емше рабов его, досадиша им и убиша их* (Мф. 22, 4–6). Кого же называет здесь Господь вторыми рабами посланными? Святых апостолов Своих. А обед какой это? Небесное Царствие, которое уготовал Бог от сложения мира для званных и приходящих на него по собственному произволению. Юнцами же и упитанными кого называет Он? Самого Сына Приснодевы и Бога, Который есть телец упитанный от сложения мира, на сие определенный, на то т. е., чтоб быть приноsimу в жертву и быть снедаему. Он же есть и юнец, яко по силе Своей непобедимый. Назван же Он здесь юнцами во множественном числе потому, что Святая Плоть Его разделяется на многие частицы, из которых каждая есть опять весь Христос. Он столь силен, что побеждает всех врагов тех, кои причащаются Его, и им самим дает силу побеждать мир и область чадами Божиими быти. Называется еще и единолетным агнцем Он, всенепорочный Агнец Божий, яко всесовершеннейший, каковым был. Он носит Крест, как роги, которым (крестом) дал Он и смертоносный удар врагу нашему, диаволу, когда на нем распяли Его и убили евреи.

Другими рабами, как я сказал, называет здесь Господь святых апостолов, которых послал Он созывать проповедью, заповедав им на путь язык не идти, и во град Самарянский не входить, но идти паче к погибшим овцам дома Израилева, то есть к евреям; но они и апостолов не приняли, а иных из них поносили и били, иных же совсем убивали, из числа которых есть и первомученик Стефан. *И слышав о сем царь той разгневался, и послав вой своя, погуби убийцы оны и град их зажже* (Мф. 22, 7). Убийцами называет Господь нечестивых евреев, которых Он побил, уничтожил и опустошил посредством римских воинов. Ибо и злые называются Божиими воинами, когда посылаются для наказания других злых,

как говорит пророк Давид: *посла на ня гнев ярости Своя, ярость и гнев и скорбь, послание ангелы лютыми* (Пс. 77, 49). Тогда наконец глагола царь рабом своим: *брак убо готов есть, званнии же не быша достойни. Идите убо на исходища путей, и елицех аще обрящете, призовите на браки* (Мф. 22, 8, 9). Видишь ли последовательность и порядок вещей? Видишь ли точность притчи? – Тогда глагола: когда это? Когда евреи, позванные апостолами в Царство Небесное, не только не восхотели слушать их, но поносили их и убивали. Тогда уже послал Он их во весь мир, ко всем языкам. *И изшедше*, – говорит далее притча, – *раби они на распутья, собраща всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполнися брак возлежащих* (Мф. 22, 10). Апостолы обошли всю вселенную, проповедуя слово Божие, и собрали в единство веры и боговедения всех тех, которые послушались их и которые были злы, но преложились от злых дел своих и сделались добрыми. *Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное, и глагола ему: друже, како вшел еси семо не имый одеяния брачна? Он же умолча. Тогда рече царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во тму кромешную: ту будет плач и скрежет зубом. Мнози бо суть звани, мало же избранных* (Мф. 22, 11–14). Видишь, что говорит Господь? Что на браки собираются те, кои прелагаются от зла и делаются добрыми и добродетельными; те же, которые имеют в себе какое-либо лукавство или зло, хотя и входят на браки, но извергаются и изгоняются со стыдом Ангелами, которые здесь называются слугами. Те, которые остались сидящими за брачною трапезою, суть святые. Впрочем, я знаю некоторых, которые думают, что под не имущими одеяния брачного должно здесь разуместь тех, которые осквернили тела свои блудами, прелюбодеяниями и убийствами, но это не так. Всякий, оскверненный какою бы ни было страстью и греховною склонностью, не имеет одеяния брачного. И что это справедливо, послушай, что говорит святой Павел: *не льстите себе: ни блудницы, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы* (которые называются и идолослужителями), *ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы* (но скажу и от себя: ни те, которые имеют ненависть или зависть к какому-либо брату), *Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9, 10) и не имеют части и места в брачном торжестве Господа нашего Иисуса Христа. Видишь, как всякая страсть и всякий грех оскверняют одежду души нашей и изгоняют нас из Царства Небесного?

10. Оставим же суетные и бесполезные изыскания и перестанем усиливаться узнать то, что выше сил наших, последуя заповеди Господа нашего Иисуса Христа, Который говорит: *испытайте Писания* (Ин. 5, 39) – испытайте, а не увлекайтесь многою пытливостью и совопросничеством. Не вдавайтесь в изыскание того, что вне Божественных Писаний, но испытайте Писания, чтоб познать все о вере, любви и надежде. О вере, – чтоб не вляться всяким ветром, то есть чтоб не колебаться всяким чуждым еретическим учением, как свойственно людям неутвержденным и непостоянным, но быть твердым в правых догматах Церкви Апостольской и Вселенской и правильно мудрствовать о предметах веры; и не это только, но чтоб познать и научиться, как стяжать плод веры и то благо, которое происходит от нее через исполнение заповедей Божиих. Когда обретете вы плод веры, тогда стяжете и надежду твердую и непостыждающую, вместе же с нею стяжете и любовь к Богу совершенную. Ибо ни одному человеку невозможно стяжать совершенную любовь к Богу иначе, как только верою чистою и надеждою твердою и несомненною.

Для чего же оставили мы испытывать и исследовать самих себя по тем добродетелям, о коих мы сказали, – исследовать, например, имеем ли мы такую веру в Бога, какую имеет заповедует Сам Он, имеющий судить нас и требовать от нас такой веры, – а пытаемся узнать то, что выше сил наших, мы, не знающие хорошо и того, что находится у нас пред глазами? Но какова есть та вера, которой требует от нас Бог и которую иметь в Него обязаны все мы? Он Сам открыл нам об этом в Святом Евангелии, говоря: *аще хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми* (Лк. 9, 23). *Аще кто грядет ко Мне, и не*

*возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 26). И опять: иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю (Мк. 8, 35), – и еще: любяй душу свою погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранил ю (Ин. 12, 25). Слышали, какие признаки настоящей веры? Довольно ли же для вас сказанного, или имеете нужду, чтобы я напомнил вам и о другом нечем? Если желаете знать, что Бог требует от нас такой веры, чтоб мы совершенно никакого попечения не имели о настоящей жизни, но все упование относительно ее возлагали на Него единого; научитесь сему от Самого Господа, Который явно возвещает: *не пецываете глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся (Мф. 6, 31). И мало-помалу возводя нас к совершеннейшему, говорит: аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую, и хотящему судитися с тобою и ризу твою взять, отпусти ему и срачицу (Мф. 5, 39, 40). И от взимающаго твоя не истязуй (Лк. 6, 30). Желая же возвести нас до крайней меры преизбыточества в вере, заповедует нам любить врагов наших, благословлять клянущих нас, добро творить ненавидящим нас и молиться за творящих нам напасть (Мф. 5, 44). И другое многое заповедует Он нам делать.**

Всем этим, во-первых, обнаруживается, какую веру должны мы иметь в Бога; а во-вторых, обнаруживается, что тогда только следует нам именоваться истинно верными, когда исполняем заповеди Его. Ибо без таких дел мертва вера наша, и мы еще мертвы. Испытай же, брате, себя самого добре; и если найдешь, что ни в чем сказанном не имеешь недостатка, но все то творишь с великим усердием и теплым сердцем, то уразумеешь тогда, что вместе с светом веры имеешь ты и непостыждающую надежду; не ту надежду, которая порождается самомнением и тщеславием в погибающих и каковой надежды прелести и лжи не может познать никто из тех, которые питают ее, но надежду, говорю, добрую, истинную, и которая бывает вместе с истинным и не обманывающим светом веры, и поверх которой узришь ты восседающую, как на Херувимах, Любовь, которая есть Бог. Когда обретешь ты таким образом сию Любовь и узришь ее, с тех пор и после не захочешь уже много пытаться ни о чем будущем и невидимом, даже и других будешь заставлять не говорить ни о чем таком, станешь убеждать их не пытаться ни о чем из этого и не заводить споров и состязаний о том, что имеет быть в другой жизни, поколику сам ты из того своего опыта познал, что все будущее и невидимое неизъяснимо и недомыслимо. Если же ты не сделал еще того, что может тебе первому дать познать, что ты истинно верный христианин, – но по сличению с неверными, ты – верный, а по сличению с верными совестью своею обличаешься яко неверный, – и не имеешь еще совершенной надежды и удостоверения, что имеешь быть в числе спасенных, и не можешь говорить, как говорил святой Павел: *подвигом добрым подвизався, течение скончах, веру соблюдох. Прочее соблюдается мне венец правды, его-же воздаст ми Господь в день он, праведный Судия (2 Тим. 4, 7, 8);* то что пытаешь и спрашиваешь узнать, будут ли святые знать друг друга в Царствии Небесном, когда приидут в созерцание Бога, Который выше всего, и будут зреть Его? Скажи мне, какая тебе польза от этого изыскания? Желал бы я узнать от тебя, какую пользу получишь ты, не имеющий части со Христом, но, как мы сказали, обличаемый совестью своею, что не сохранил заповедей Его, если узнаешь о покое, славе, утешении и блаженном состоянии святых, какого сподобятся они в Царстве Небесном?

Наверное никакой не получишь пользы, но больше еще навлечешь на себя осуждение за то, что при всем том, что познал такие высокие предметы, презираешь их и не хочешь отбросить самомнение и тщеславие и стяжать смирение. Но спрошу тебя и еще, и ты мне ответь спокойно и кротко: если, например, какое-нибудь малое дитя, которое не узнало еще первых букв азбуки, – если, говорю, такое дитя начнет спрашивать истолкования того, что относится к грамматике и риторике, то какой разумный человек согласится отвечать хоть

одним словом на такие неразумные вопросы, а не прогонит его скорее как бессмысленное, детски мудрствующее и ищущее без толку то, что выше сил его? Если же справедливо так поступит в этом случае, земном и ничтожном, не тем ли паче надлежит так поступить в отношении к тому, что выше слова, и разума, и всякого чувства? Впрочем, если кто и не выучится сам читать, то ничего нет странного и дивного, если, слушая сочинения, написанные эллинами, будет понимать их, как писанные на его языке и о предметах, не превышающих его смысла, ибо слово эллинов – для вещей чувственных, и сказания их суетны и о суетном.

Но те предметы, о которых ты спрашиваешь, не таковы. Они суть таинства сокровенные и недомыслимые, как говорит пророк Давид: *приклони небеса и сниде, и мрак под ногама Его* (Пс. 17, 10). Какой это мрак? Плоть Господа. Сошел Он и облекся плотью, как облаком примрачным. Далее говорит пророк: *и възиде на Херувимы и лете: лете на крилу ветреню. И положи тму закров Свой* (Пс. 17, 11, 12).

Видишь ли, что pytanie твое касается не простых чувственных вещей, но предметов Божественных, непостижимых, которые не всяким удобно понимаются? Если Сам Господь положил тьму покровом таин Своих и потребен некий великий свет Всесвятого Духа для уразумения сокровенных Его Таин, то ты, еще не сделавшийся обиталищем сего света, как пытаешься познать то, что познать сил не имеешь, как еще несовершенный и непросвещенный? Но чтоб тебе не подумалось, что как ты сидишь во тьме, так и Господь вошел во тьму и скрылся (мраком покрылся), для того говорит еще святой Давид: *окрест Его селение Его* (Пс. 17, 12). Селение же это святой Павел называет светом: *во свете живый неприступнем* (1 Тим. 6, 16). Впрочем, оба они, и пророк Давид, и апостол Павел, когда, желая показать, что Божество Его непостижимо, говорят: один, что *окрест Его селение Его*, а другой: что *Он живет во свете неприступном*; не то показывают, будто Бог как-нибудь ограничивается и описуется, но такое образное употребляют выражение для пытливых, говоря как бы им: о неразумные пытливыцы, не думайте, что Господь и Бог наш, вознесшись, вошел в какую-либо тьму и сокрылся. Он всегда пребывает во славе Божества Своего, которая наполняет все и есть паче (пространнее) всего, в каковой славе Он пребывал и прежде, чем произошло все; но да не погибнем мы в конец от молнийных блистаний Божества Его, положил Он тьму за кров Свой, которая покрыла не Его, а нас: ибо *Бог наш*, – говорит Писание, – *есть огонь поядай* (Евр. 12, 29) не праведных, но грешных.

Так вот, возлюбленный, узнал ты в немногих словах Божественные и страшные таинства веры нашей; узнал, что Бог сошел на землю и опять восшел на небеса и положил тьму за кров Свой. Ибо не подобает прежде будущего Суда Ему явлену быть нам во славе Отца Его, то есть в Божественной, но подобает сему быть тогда, когда восхождет Отец, Который определил тому время, состоящее в Его власти. Если, таким образом, тайны Царства Небесного сокровенны и, по слову Господа, никому не дано знать их, то для чего оставил ты делание заповедей Его и пытаешься о тайнах, которые сокрыты от всех людей? Ибо се слышишь апостола Павла, который говорит о сем: *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не въздоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Но прежде Вознесения Своего на небеса и положения тьмы за кров Свой Господь дал нам заповеди, как некоторые орудия (мастерские инструменты), дал и веру в Него, как некую художницу и мастерицу, чтоб таким образом мы были обделываемыми сосудами, веру – художницею, а заповеди – орудиями, посредством которых вера, или всехудожное Слово, воссозидает и обновляет нас, когда являемся делателями заповедей Его и деланием их очищаемся, и, преуспевая в сем, освещаемы бываем Святым Духом и получаем ведение таин Царства Небесного. И как ни орудия без художника, ни художник без орудий не могут сделать никакого сосуда, так ни вера без делания заповедей, ни делание заповедей без веры не обновляют и не воссозидают нас, или не делают новыми из ветхих. Когда же стяжеваем оба сии сердцем нераздвоенным, то есть и веру, и заповеди, и делаемся для Владыки Христа благопотребным сосудом, гожим

для приятия духовного мира, тогда и Господь, положивший тьму за кров Свой, обновляет в нас благодать Святого Духа, делает нас из ветхих новыми, восстанавливает живыми из мертвых, рассеивает тьму, проводит ум наш об ону страну тьмы оной и дает ему благодать приникать туда и как бы в малое некое отверстие узреть там столько света, сколько видится его в круге солнца или луны. Таким созерцанием он научается, или, лучше сказать, просвещается, и с убеждением познает, что верующие во Христа, и особенно крещенные младенцами и не чувствующие в себе действия благодати Божией, не могут возыметь даже малой какой части в неизреченных благах Божиих иным способом, кроме как смирением сердца, несомненною верою и вседушным произволением (посвятить себя на служение Богу), то есть не иначе, как если станут соблюдать все заповеди Божии, отвергнутся мира и всего, что в мире, вместе и с пожеланиями своими, охотно и с радостью станут нести все труды и претерпевать все искушения, которые неизбежно испытывать на пути добродетели.

Ты же, прочитавший сие, исследуй себя самого не в возношении лжеименного знания внешней премудрости и не под нагромождением суетных помышлений, со страхом и трепетом. И если хочешь узнать, какова твоя жизнь и каково состояние, спроси душу свою и скажи ей: душа, исполнила ли ты все заповеди Божии или нет? И она, открыв уста совести своей, непременно скажет тебе настоящую истину. Она не станет тебя стыдиться, но обличит тебя и покажет, какие сокровища заложил ты в себя самого, добрые или худые. В свидетельстве совести своей ты найдешь, любил ли ты мир или Бога предпочитал миру; искал ли ты славы человеческой или вожделевал славы Божией; и скажу коротко, если вступишь в совесть свою и пересчитываешь там все, как в сундуке каком, извлекая находящееся там одно за другим, – то все узнаешь чисто-начисто. Ибо предположи в уме своем, что в сундуке совести души твоей находятся – идольчики славолубия и тщеславия, истуканчики человекоугодия, сласти (конфеты) похвал человеческих, наряды, притворства и лицемерия, семя сребролюбия и другие многие страсти, одни другими покрываемые. Тогда, перебрав и пересмотрев все сие, ты должен будешь сознаться, что худые набрал ты себе сокровища. – Впрочем, заметить при сем понуждаюсь, что если поверх всего того находится у тебя кичение и гордость (ибо, как говорит апостол Павел, *разум кичит*. – 1 Кор. 8, 1), а с кичением неразлучно самомнение, твердящее нам, что мы значим нечто, когда есмы ничто, – если, говорю, эти страсти лежат у тебя поверх всех, указанных выше, то нет тебе возможности познать ни их, ни те, которые под ними. И когда стал бы кто обличать тебя в них, ты смело ответишь, что ничего такого не видишь в себе, и сколько бы кто ни удостоверял тебя в том, не поверишь.

Скажи же мне теперь, – если не веришь и не видишь, что на сердце твоём лежит покров, прикрывающий такие страсти, и ты, естественно, не имеешь желания снять этот покров с сердца своего, чтоб увидеть страсти, которые скрывает он под собою, и затем сокрушиться о несчастной душе своей, восподвизаться над очищением ее, промыть теплыми слезами умные очи ее и лицо, отринуть всякую мудрость и всякое знание внешнее и, послушавшись апостола Павла, сделаться буим для мира сего, чтоб стать мудрым во Христе, – скажи мне, если все сие у тебя так есть, то как стану я возвещать тебе о Боге и Божественных вещах, сокровенных и невидимых, когда ты находишься в состоянии такого неразумия и несмыслия? И сам ты не осудишь ли меня за то, что я делаю дело совсем неподходящее? Ты, наверное, будешь говорить сам в себе: поистине этот человек без толку и смысла, что толкует мне, не расположенному и не умеющему слушать о таинствах, невидимых и недомыслимых не только для всякого дыхания, сущего под небесами, но и для всякого творения, сущего превыше небес. Ибо если Ангелы не знали первого пришествия Господня на землю, не знали, какого рода имело оно быть, или когда имел низойти Господь наш, чтоб соделаться человеком; не тем ли паче неведомо для них, когда имеет быть второе Его пришествие во славе, и каково оно будет, и каково то, что имеет Он даровать тогда святым Своим? Что сказанное мною истинно, это подтверждает божественный Павел, говоря: *да скажется ныне нача-*

лом и властем на небесных Церковию многоразличная премудрость Божия (Еф. 3, 10). А о будущем пришествии Своем Господь сказал, что тогда *силы небесныя подвижутся* (Мф. 24, 29), то есть Ангелы поражены будут изумлением, увидев вдруг то, чего дотоле и не вообразали. Если, таким образом, Силы Небесные не знают, что тогда будет, то ты как смеешь утверждать, что тогда святые, сподобясь лицезрения Божия, не будут знать друг друга в Царствии Небесном? И ты – другой, противоречащий первому и утверждающий, что тогда святые будут знать друг друга, откуда узнал это? О неразумие! О неистовство и ослепление! Не ужасаетесь вы, человеки? Не дрожите от страха? – Вы, обе стороны, будете осуждены праведным и нелицеприятным Судиею от словес ваших: тем, которые говорят, что святые тогда не будут видеть и знать друг друга, но всеми чувствами своими будут зреть единого Бога, будучи соединены с Ним всецело, Господь так скажет: о человеки! Познали ль вы Меня? Видели ль свет Мой? Прияли ль Меня внутрь себя? Познали ль действия Духа Моего самым искусом и опытом или нет? И они, – я в этом уверен, – не посмеют сказать: да, Владыко, мы видели Тебя и познали самым искусом действия Духа Твоего. Ибо если они скажут Ему это, то Он ответит им: но если вы самым делом испытали все это, то как же говорите, что не будут знать друг друга те, которые вовеки будут иметь Меня живущим в них? Аз есмь Бог неложный, Бог истинный, Бог святой, обитающий во святых Своих. Как обитаю в них? Как Я во Отце и Отец во Мне, так и святые во Мне и Я в них. Как Отец есть внутри Меня, и Я опять внутри Отца Моего, так Я буду обитателем внутри всех святых, а святые будут обитателями внутри Меня. – Яво Отце Моём и Отец во Мне; и как знает Меня Отец, так и Я знаю Отца, отсюда явно, что и святые знают Меня, и Я знаю святых и что таким же образом святые знают и будут знать друг друга.

Впрочем, чтоб это было явно для самых бесчувственных, скажу еще, что будет обитать во всех святых. Итак, когда откроются книги совести каждого человека, тогда если не найдется другое что в сердцах и совестях грешников, то найдется самомнение, или тщеславие, или зависть, или другое что подобное, если же и не найдется ничего такого, то всячески найдется леность и нерадение о делании заповедей Божиих, следовательно, недостаток любви к Нему. За это омрачатся очи их, чтоб не видеть, и будут они посрамлены, услышав: поелику не сотворили вы одной из заповедей Моих меньших и презрели ее, то Мне не сотворили. *Отойдите от Меня в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41, 45). – И опять, когда откроются книги совести святых, тогда воссияет в них Христос и Бог наш, обитающий теперь в них сокровенно, и святые сделаются подобными Ему, Богу вышнему. Откуда это видно? Послушайте Самого Христа Спасителя, Который говорит: *тогда праведницы просветятся яко солнце* (Мф. 13, 43). О каком другом времени говорит сие Он, если не о времени второго пришествия Своего? И о каком другом солнце, если не о Себе Самом, именуемом Солнцем Правды, воссиявающим и сияющим во святых Своих? Это же явно говорит и Иоанн, наперсник Господень: *возлюбленнии, ныне чада Божия есмы, и не у явися, что будем: вемы же, яко, егда явится, подобни Ему будем* (1 Ин. 3, 2). И апостол Павел: *ныне разумею от части, тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. 13, 12). Если таким образом святые будут подобны Богу и познают Бога столько, сколько знает их Бог, и если как знает Отец Сына и Сын Отца, так святые будут видеть и знать друг друга, даже и те, которые никогда не видали друг друга в мире сем, там познают себя взаимно; то как не стыдитесь вы говорить и учить о том, чего не знаете, как будто разбогатевшие даже таким знанием, которое превышает силы наши, и как будто от Бога поставленные учителя? Ибо как невозможно, чтоб Отец не знал Сына или Сын Отца, так невозможно, чтобы святые, соделавшиеся богами по благодати, яко имеющие живущим в себе Бога, не знали друг друга; но они будут видеть славу один другого и каждый собственную свою славу, как и Сын видит славу Отца, и Отец – Сына. Но какая это будет слава святых? – Такая же, как и слава Сына Божия. Это Сам Он собственными устами открыл, говоря: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах*

им, да будут едино, якоже и Мы едино есма (Ин. 17, 22). Видишь, что и та слава, которая прежде веков дана от Бога и Отца Сыну, та самая слава дана от Сына святым Его, и все суть во едино?

Итак те, которые говорят, что святые не будут видеть и знать друг друга, когда сподобятся лицезрения Божия, поистине во тьме ходят, еще не пришли в общение с Богом и не познали истинно Бога, но говорят и утверждают то, чего не познали и в созерцание чего никогда не приходили.

Они говорят, что святые будут находиться тогда как бы в экстазе, в некоем восхищении, как и здесь они иногда приходят в такое Божественное восхищение, и забудут и себя самих, и всех других, находящихся с ними. И видно из таких слов их, что они худо понимают Божественное Писание, когда полагают, что у святых будет тогда такое же изменение и восхищение, какое бывает у них и здесь. Слыша, что когда такой-то святой пришел в созерцание Бога, то восхитился ум его и он столько и столько дней и ночей провел, совершенно не помня ничего земного, но вместе со всем другим забыл и собственное свое тело, пребывая пригвожденным к созерцанию оному всею душою и всеми чувствами своими, — слыша, говорю, об этом, они полагают, что нечто подобное будет и в другой жизни в Царствии Небесном, совершенно не понимая Божественных и духовных вещей и невидимых таинств невидимого Бога, недомыслимых и не доступных знанию непросвещенных. Неведомо им, что такое восхищение ума бывает не у совершенных, но у новоначальных. Как родившийся в мрачной темнице, освещаемой слабым светом малого светильника, с трудом и неясно видит находящееся в темнице его, совсем не зная, что вне темницы той есть свет солнца и множество других прекрасных вещей и творений Божиих, входящих в состав видимого мира, так и находящийся еще в мрачной темнице страстей и чувств мира сего, если бывает просвещен малым неким ведением (от Божественного Писания), с трудом, мало и темновато представляет таинства веры нашей, а о вечных Божиих сокровищах, о том, каковы те блага, которыми будут наслаждаться святые в будущей жизни, совершенно никакого понятия не имеет. И как находящийся в темнице, — если среди многих проводимых им там лет как-нибудь случайно откроется небольшая трещина в кровле темницы и он внезапно увидит, сколько позволяет величина трещины, свет небесный, которого никогда дотоле не видывал и не воображал, — вдруг приходит в исступление и, как бы вне себя находясь, долгий час во все глаза смотрит вверх и дивится внезапно открывшемуся ему зрелищу; так и тот, кто, освободясь от уз страстей и чувств, внезапно придет в созерцание умного света, вдруг бывает поражен и объят удивлением, и теми, которым неизвестно такое состояние, почитается вышедшим из себя, тогда как он весь сосредоточился в себе умом и изумляется этому светлому видению, которого сподобился. И опять, как находящийся в темнице, — если часто и каждодневно смотрит в отверстие то, от долговременного пребывания в такой светлости привыкает к свету тому, а вместе с тем мало-помалу умаляется его первое великое изумление (как то же самое имеет место и в нас в отношении к солнцу: привыкли мы каждый день видеть его и думаем, что оно — вещь не такая, чтоб ему отдавать все внимание. Но если предположить, что мы, со времени рождения доселе никогда не видавши солнца, ныне только вдруг увидели бы его пред глазами своими, то, конечно, от великого изумления мы вышли бы из себя и стали безгласны); так и душа, мало-помалу преуспевающая в духовном и привыкающая к умному свету, не поражается уже так сильно умным светом, как это было в первый раз, потому что по сему малому видимому ею свету заключает, что есть и еще свет, более совершенный. И опять еще, как оный, от рождения заключенный в темнице, по причине малого видимого им света начинает спустя долгое время понимать, что действительно находится в темнице и что вне этой темницы есть дивные некие вещи, о которых он не может составить себе представления, что они такое суть; но когда высвободится и выйдет из темницы, то видит и свет весь, и

все находящееся в этом свете; так, полагай, бывает и с человеком, который сначала немного вышел из уз плоти и стал вне этого мира и всех видимых вещей.

Представь в уме своем, что весь этот мир есть мрачная, бессветная темница и что свет нашего солнца есть то же, что свет малого светильника, который слабо освещает всех находящихся в этой темнице, а вне его – Триипостасный Свет, высший всякого света, всякого слова и разума, неизреченный, недомыслимый и непрístupный, освещающий все такое, что невидимо, неведомо и неизъяснимо для находящихся в темнице мира сего. (Хотя есть некоторые, которые думают, что понимают то и созерцают при помощи Божественных Писаний; но есть и такие, – и не большая ли часть таких, которые совсем не знают, что кроме этих видимых вещей есть невидимые и непостижимые.) – Итак, когда мы со всем рвением, со всею верою и любовью взыщем не того, чтобы увидеть тот свет, что вне сей темницы мира, и те вещи, что находятся в том свете и в том мире (ибо никто еще из взыскавших таковое не сподобился и никогда не сподобится узреть то), но взыщем наперед сохранить заповеди Божии, покаяться, сокрушиться и смириться, тогда откроется и для нас как бы малое некое отверстие в этом видимом крове небесном, а через него покажется несколько и невещественный оный и мысленный свет, сущий превыше небес, – который как только увидит душа, вся приходит в восхищение и стоит, пораженная видением сего нового и преславного чуда, никогда не виданного ею дотоле; будучи же восхищена на небо, нудится пребыть там, углубляясь мыслью в недомыслимый оный свет, яко невечерний и непрестающий, и погружаться в созерцание его день и ночь, и желания уже не имеет опять возвратиться в темницу мира и смотреть на вещи, которые в нем. И вот это-то созерцание, как я сказал, есть созерцание новоначальных, которые недавно вышли на подвиг добродетелей. Но когда человек пребудет долгое время в таком созерцании оного света, не возвращаясь вспять в мир, тогда отверзается ему небо ли или око сердца его, то есть ум, – не может он того сказать определенно, – отверзается, говорю, ум ли паче, или небо, – и свет оный входит внутрь души его, свет пресветлый и предивный, и просвещает его соразмерно с тем, сколько может вмещать его человеческое естество или сколько он того достоин. Если он пребудет в сем свете, то и свет сей пребудет в нем, которым будучи просвещаем, он будет узреть и домысливать таинство за таинством и чудо за чудом, восходя от созерцания к созерцанию, что все если бы кто из таких восхотел описать, не достало бы ни бумаги, ни чернил, и времени, думаю, не достало бы изложить все подробно. Истиннее же сказать, как можно описать или пересказать то, чего нельзя выразить словом, как неизреченное и неизглаголанное? Находясь же в сем свете, или, лучше сказать, с сим светом, он не как в исступлении бывает, но видит и себя самого, и то, что окрест его, то есть видит, в каком состоянии сам находится и в каком состоянии находятся другие; также он предугадывает и предсказывает, что когда выйдет из этой темницы мира и тела, – и особенно по воскресении, – тогда всеконечно увидит и невечерний оный свет, сколько возможно будет ему увидеть его, и блага, сущие в нем, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Но поелику он узрит их так, как они суть уготованы от Бога любящим Его и ими восприняты, то очевидно, что со вступлением во свет оный мы не лишимся способности познавать и видеть друг друга, но, вкусив осияния оного и созерцания света оного чистейшего, как Бога будем знать и видеть, так и друг друга, в чистейшем и неизреченном веселии и радовании во веки веков.

Итак, те, которые говорят, что святые в будущем не будут знать друг друга, пусть из сказанного мною убедятся в противном. Но еще лучше они сделают, если, перестав пытаться неиспытные тайны, начнут самих себя испытывать, в каком находятся состоянии. Вы же, которые совсем не знаете того, о чем я говорил, и не доспели в чувство, искус и созерцание света оного, как не трепещете говорить и писать о таких таинствах?

Если мы отдадим отчет за каждое праздное слово, то не тем ли паче будем осуждены и наказаны за такие слова? Праздное слово не есть только слово бесполезное; но праздным

(аруог, *греч.* – неделанным) должно называть и такое слово, которое говорим, прежде чем делом сделаем и искусом познаем то, о чем говорим. Если я, не презревши славы мира сего и не отвергнувши ее от всей души, то есть когда она губит душу мою и лишает меня славы Божией, – учу других убегать ее, то не будет ли слово мое праздно, неделанно, пусто, и не буду ли осужден я как лживый? И опять, если я, не приявши с сознанием и чувством умной благодати Святого Духа, не сделавшись наученным от Бога через сию благодать и не сподобившись получить свыше слова премудрости и разума, без удержки устремлюсь истолковывать и изъяснять Божественные Писания и выступлю в чине учителя, вооружен будучи только одной внешней мудростью, то оставит ли Господь это без обличения, не потребует ли отчета в сем от меня? Конечно, не оставит этого так. И если угодно, то от низшего и человеческого поучись Божественному и небесному. Кто, спрошу тебя, из людей, хотя бы он всех превосходил мудростью и разумом и ведением законов, хотя бы был украшен всею праведностью и благочестием, осмелится сам собою сесть как судья между судьями и, назвав себя властным лицом, издавать законоположения для других? Если же и дерзнет кто на это, то не будет ли постыжен от царя и наказан по всей строгости законов? Если же никто из здравых умом не дерзнет оказать такое неуважение к земному царю и не посмеет восхитить его честь и достоинство, то ты, человек, как осмеливаешься презирать Царя Небесного и дерзаешь восхищать себе учительское достоинство без воли и желания Его? И делая это, думаешь ли, что Бог оставит это без взыскания с тебя? Нет, не оставит. Но, о Господи! даруй нам Божественную благодать Свою, да ведаем Тебя, и страх Твой спасительный да имеем, и в воле Твоей да пребываем как подобает. Вас же, братие, прошу, удержитесь от излишних изысканий и споров, старайтесь же паче очистить себя от всякой скверны плоти и духа покаянием, слезами, смирением и исполнением всех заповедей, да сподобитесь получить и настоящие и будущие блага – духовные, в откровении, чувстве и созерцании, – благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово сорок шестое

Через возрождение в Божественном крещении души верующих опять оживляются и, прияв Духа Святого, как душу души, приносят плоды Духа жизни. Которые же плодотворно приносят зло, осуждаются вместе с некрещеными.

Окрещенный Божественным крещением называется просвещенным; а того, кто хотя уверовал во Христа Господа и в таинство воплощенного Домостроительства Его, но еще пребывает в чине оглашенных, ученики и учителя Евангелия Христова называют непросвещенным и творят о нем общие молитвы, прося Господа огласить его словом истины веры во Христа и открыть ему Евангелие правды; по какой причине диакон и возглашает в церкви к верным: *вернии, о оглашенных помолимся*, и прочее. Ибо оглашенный хотя уверовал уже во Христа Господа, но верным еще не сделался. Верным, собственно, называется уже тот, кому вверяется Божественная благодать и кто приемлет ее; соделоваться же он верным, когда бывает просвещен; а просвещен бывает, когда приемлет Божественное крещение. Ибо что слышал он, когда был оглашаем, в том просвещается паче слова, приемля, при троекратном погружении, Духа Святого и весь преисполняясь Божественным Светом. Притом, соделовавшись в сем Таинстве причастником смерти Христа Господа, он делается причастником и Его Воскресения, как говорит божественный Павел. И как Христос, воскресши, уже не умирает, смерть Им уже не обладает, так и тот, кто вышел из купели богорождения, то есть Святого Крещения (которая животворит или, лучше сказать, боготворит того, кто окрестился), не умирает более душевной смертью, грех им более не обладает. Кто окрещен Духом Святым, тот еще от чрева матери своей, то есть святой купели, есть уже бессмертен; потому что душа его прияла истинную жизнь, то есть благодать Святого Духа, и он не может более согрешать, как рожденный от Бога. Святой апостол Павел говорит о сем так: *о Немже и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти, во обрезании Христове, спогребшиися Ему крещением* (Кол. 2, 11, 12). *Сие ведяще, яко ветхий наш человек с Ним распялся, да упразднится тело греховное, яко ктому не работами нам греху. Еже бо умре, греху умре единою; а еже живет, Богу живет. Такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богу, о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 6-11). *Елицы бо во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся* (Рим. 6, 3). Таким образом, что для Христа Господа были крест и гроб, то для нас есть крещение; и как Христос умер плотью и воскрес, так и мы умираем греху и воскресаем для добродетели силой Божией: *да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни да ходим* (Рим. 6, 4). Итак, хотя возможно, чтобы по возрождении в крещении грешил и верный, но если согрешит когда-либо верный, то он (уже перестает быть верным) изгоняется из Церкви и отлучается от общения с христианами; и (если желает снова войти в нее) подвергается церковному наказанию, то есть исповеданию греха с постыжением, бесчестием, слезами и воздыханиями не о том только, что согрешил, но паче о том, что, согрешивши, удалил от себя Божественную благодать, которая опять не так легко возвратится к нему, как была дарована во Святом Крещении.

Два есть светила, светящие нам: Бог – умное Солнце, Который дает свет умным очам души, да видит мысленно невидимую тварь, – и чувственное солнце, которое дает свет чувственным очам, да видят тварь чувственную. Как никто не видит, какие места ровны и какие неровны, какие дорожки чисты и какие засорены, если не взойдет и не засветит чувственное солнце, так никто не видит, где рвы греха и где ровные стези правды, если не воссияет ему умное Солнце. Итак, если найдется христианин, который ходит стезями греха, или всеми, или некоторыми, то такой – не христианин, ибо христианин есть и именуется просвещен-

ным; всякий же, ходящий во свете, видит рвы и стремнины (и не позволяет себе падать в них). Если же не видит их и падает, значит, не имеет света; и потому, как же он будет христианин? Если и говорит он, что видит, но грешит, будучи обольщаем диаволом, то лжет. Не видит он добре; но видит, как видят и непросвещенные, то есть неверные. Ибо и они видят и различают доброе и злое, и, однако ж, не уклоняются от злого, потому что не видят чисто, что есть главным образом добро и что есть главным образом зло. Итак, христианин, который не видит зла чисто, глазами не засоренными, еще не христианин; и надлежит ему подвизаться, воздыханиями и слезами, постами и молитвами войти в тот истинный и совершенный Свет, который просвещает всякого человека, грядущего в мир. Христос Господь затем и пришел в мир, чтобы верующим в Него даровать очищение и избавление от грехов. Очищение грехов дарует Он через Святое Крещение, а избавление от греха дарует через Святое Причащение Пречистого Тела и Пречистой Крови Своей. Ибо Сам говорит: *ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Кто же пребывает со Христом, тот творит плоды добродетелей, а не плоды греха и беззакония. Почему, кто после крещения и Причащения Тела и Крови Христовых не приносит добрых плодов, тот посекается, как бесплодное дерево, и бросается в огонь. Страшному подлежит осуждению не только тот, кто недостойно, при нечистоте плоти и духа, причащается Тела и Крови Господа (ибо делается за сие повинным Телу и Крови Господа), но и тот достойно осуждается и наказуется, кто причащается без плода и пользы. По двум причинам осуждается таковой за свое бесплодие: первая та, что он это Таинство, столь спасительное и благотворное, показывает бесплодным и бесполезным в себе самом, не делая ничего доброго (будто в укор ему); вторая та, что причащается неблагодарно, так как после того не являет никакого благодарения Богу через исполнение заповедей Его. Если Христос Господь не оставил ненаказанными тех, которые праздно произносят слово, не тем ли паче осудит Он того, кто столь великое таинство являет бесплодным (*αργον, греч.* – праздным) в себе самом? Кто причащается Тела и Крови Христовых, в воспоминание Христа Господа, что Он умер и воскрес нашего ради спасения, тому надлежит не только быть чистым от всякой скверны плоти и духа, чтоб не вкушать Тела и не пить Крови Господа в осуждение себе, но должно еще делом показать, что действительно воспоминает Христа Господа, умершего и воскресшего за нас, именно тем, чтоб являть себя мертвым греху, миру и себе, и живым Богу о Христе Иисусе, Господе нашем. Но кто после причащения не приносит добрых плодов, а напротив, творит грехи и неправды, тому место с неверными, нечестивыми и некрещеными, как видно из слов блаженного Павла: *коliko горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и Кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися* (Евр. 10, 29). Видишь, что есть освящение? Кто освящен, тот приносит плоды Духа Святого. Но кто верует во Христа и, однако ж, еще обладает страстями греховными, тот пусть поспешит одуматься и всякою возревновать ревностью освободиться от тиранства сих страстей, чтоб потом начать приносить плоды добродетели. Ибо прежде надобно очистить поле души от всех терний, и потом посеять на нем доброе семя, чтоб его приняла в себя чистая и добрая земля и принесла обильные плоды. Если же не сделает он этого, но оставит терния расти по-прежнему и заглушать плод, то какого еще ждет он времени, чтобы совершить сие? Спеши сделать сие, пока есть день жизни; придет ночь смерти, когда никто уже не может делати. Нам же да дарует Господь очиститься от всякой скверны душевной и телесной и принести достойные плоды Духа Святого, во Христе Иисусе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово сорок седьмое

Не следует никому говорить, что в нынешнее время невозможно всякому, кто захочет, взойти на верх добродетели и подражать древним святым.

Каждый день слышу, как многие христиане говорят, что если б и мы были во времена апостолов и сподобились видеть Христа Господа, как они, то были бы святы и мы, как они. И не знают они, что Тот, Кто говорил тогда во время апостолов, Он же говорит и теперь во всем мире. И не только это, но Он и в действиях Своих таков же есть и ныне, как был в оное древнее время, как удостоверяет Сам, говоря, что как Отец всегда есть в Сыне, так и Сын во Отце, что как Отец Мой всегда делает, так и Я всегда делаю. Но, может, скажет кто, что совсем не одно и то же видеть Самого Христа Господа телесно, как тогда видели Его апостолы, и слышать только словеса Его, как слышим мы теперь и от других научаемся всему, что говорится в Евангелиях о Христе и Царстве Его. И я тоже говорю, что совсем неравно нынешнее тогдашнему, но что оно несравненно больше того и удобнее приводит нас к совершеннейшей вере, нежели тогда, как видели Господа телесно и слышали слово Его. Ибо тогда Господь наш являлся человеком простым, смиренным и униженным, каким и признавали Его неблагодарные иудеи, а теперь Он проповедуется нам Богом истинным. Тогда обращаясь с людьми телесно, ел Он с мытарями и грешниками, а теперь сидит одесную Бога и Отца и питает, как веруем, весь мир, и не это только, но веруем и говорим, что без Него ничто не бывает. Тогда уничижали Его самые ничтожные люди, говоря: *не сей ли есть тектон, сын Мариин?* (Мк. 6, 3), а теперь поклоняются Ему цари и князи как Сыну истинного Бога и Богу истинному, и Он прославлял и прославляет всех поклоняющихся Ему в духе и истине, хотя и наказывает иногда их, если согрешают, чтоб сделать их из скудельных и немощных железными и крепкими паче всех язык, сущих под небесем. Тогда почитали Его, как одного из людей, тленным и смертным, и было велико и дивно, если кто Его, когда Он, будучи Богом безвидным и невидимым, неизменно и непреложно принял зрак раба через приятие тела человеческого и по всему был видим как человек, ничего не имеющий особенного от всех других людей, – ибо ел, пил, спал, утруждался, потел и делал все человеческое, кроме греха; было, говорю, велико и дивно, если кто Его такового с полною верою признавал Творцом неба и земли, и всего, что в них. Почему, когда Петр исповедал: *Ты еси Сын Бога живаго*, то Владыка Христос ублажил его, говоря: *блажен еси, Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе*, то есть чтоб ты, увидя истину, сказал так, *но Отец Мой, Иже на небесех* (Мф. 16, 16, 17). А ныне ничего в этом нет дивного, когда Господь Иисус проповедуется сущим во славе. Я даже полагаю, что кто ныне, слушая Христа, каждодневно взывающего к Нему во Святых Евангелиях и объявляющего волю благословенного Отца Своего, не повинуется Ему со страхом и трепетом и не соблюдает того, что Он ему заповедует, тот, если б и тогда был, видел Самого Христа и слушал Его учение, не уверовал бы в Него, боюсь даже – не стал ли бы поносить и злословить Его?!

Так говорят те, которые более оплотенели и огрубели умом; а что говорят люди более их благовидные и почтенные? Эти говорят, что если б мы жили во времена святых отцов, то подвизались бы и мы. Ибо, смотря на добрую их жизнь и подвиги, подражали бы им. А ныне, обращаясь с ленивыми и нерадивыми, и нехотя сообразуемся с ними и вместе с ними губим себя. Но и они, как вижу, не знают, что мы находимся в более безопасной пристани, чем святые отцы. Тогда было много ересей, много лжехристов, много христо-торговцев, много лжеапостолов, много лжеучителей, которые, шатаясь по градам и весям, смело сеяли плевелы лукавого диавола и многих прельщали, опутывая их хитрословесием и увлекая в пагубу души их. Что это истинно, можете увидеть из жизни святых Антония, Евфимия

и Саввы. О святом Антонии пишется, что когда настало гонение, то он, боясь, как бы кто из страха не отрекся от веры, вынужден был оставить пустыню и, вращаясь среди истязуемых, воодушевлять их своим присутствием. Опять и о святом Евфимии и святом Савве не написано разве, сколько они подвизались за веру и Церковь против бывших тогда ересей? И сколько монахов было тогда прельщено и увлечено еретиками? Также во время святого Стефана Нового сколь тяжело и жестоко было гонение? Какая буря и какие волны возмущали тогда не монахов только, но и всех христиан? Когда же вспомню о том, что было прежде того, во время Василия Великого, святого Иоанна Златоустого и других после них святых, то окаяваю себя самого и скорблю о тех, которые, не подумавши обо всем этом, говорят приведенные выше речи. Не знают они, наверное, что все прошедшее время было гораздо хуже настоящего, преисполнено бед и сетей лукавого. То правда, что и теперь немало еретиков, волков, аспидов и змий, вращающихся среди нас, но они не имеют власти явно нападать на нас, а скрываются во мраке злобы и лукавства своего и только тех, которые сами входят во тьму их, восхищают и пожирают. А тем, которые ходят во свете Божественных Писаний и шествуют путем заповедей Божиих, они и навстречу выступить не дерзают, и если завидят их где-либо идущими, бегут от них, как от огня.

Но о каких это еретиках, думаете вы, говорю я? Об евномианах? Или арианах? Или духоборцах? Или савеллианах? Или аполлинаристах, или диоскорянах? – Нет, не об этих нечестивцах и безбожниках говорю я, и не о другом ком из прочих еретиков, которые появлялись, как тьма, но исчезли от блеска светоносных святых отцов, в которых обильно воссияла благодать Святого Духа и разогнала тьму сказанных ересей и которых богомудрые писания даже доныне светят паче лучей солнца, и никто не дерзает противоречить им. Но я говорю о тех еретиках, которые говорят, что в нынешние наши времена и среди нас никого нет, кто мог бы соблюсти заповеди Евангелия и быть, как были святые отцы, во-первых, верным и деятельным, ибо вера в делах обнаруживается, как в зеркале является подобие лица; а потом быть созерцательным, или Богозрителем, то есть зреть Бога через просвещение от Духа Святого или, прияв Духа, благодатию Его зреть Сына со Отцом. Так те, которые почитают это невозможным, – еретики, и имеют не одну какую-либо частную ересь, но, можно сказать, все ереси, поколику эта ересь нечестием и богохулением своим превосходит и затмевает все другие, и кто говорит так, низвращает все Божественные Писания. Мне кажется, что такой тщесловесник говорит: тщетно ныне возглашается Святое Евангелие, тщетно читаются, или даже тщетно написаны творения Василия Великого и прочих святых отцов наших. Ибо если невозможно нам сделать и соблюсти, что говорит Бог и все святые, которые сперва творили то, а потом написали и нам оставили в научение, то для чего трудились они писать это тогда? Для чего и теперь читается то в церквях? Не очевидно ли, что говорящие так заключают небо, которое отверз для нас Христос Господь схождением Своим на землю, и преграждают восхождение на небеса, которое обновил для нас тот же Христос Господь? Ибо когда сущий над всеми Бог, стоя горе как бы во вратах неба и призирая долу и зрим бывая верными христианами, вызывает через Святое Евангелие: *приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), эти богоборцы или, лучше сказать, антихристы вопят: невозможно это, невозможно. Таковых Сам Владыка Христос велегласно обличает, говоря: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, горе вам, слепии вожди слепцов, яко затворяете Царство Небесное пред человеки: вы бо не входите, ни входящих оставляете внити* (Мф. 23, 13, 24).

Господь явно ублажает тех, которые плачут и проливают слезы ныне, в настоящей жизни; а эти говорят: невозможно ныне плакать и проливать слезы каждый день. О, бесчувствие! О, уста бездверные, испускающие нечестивые гласы против Бога всевышнего и Христа Иисуса Господа нашего и в уста хищного волка, диавола, сталкивающие овец Христовых, за которые пролил Пречистую Кровь Свою Единородный Сын Божий! Поистине добре

пророчествует о таковых Богоотец Давид: *сынове человечести, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5). Скажи же мне, человеке, почему невозможно каждодневно плакать? А святые чем другим просияли в мире и сделались светилами для него? Если бы это было невозможно, то и они не возмogli бы это справиться; потому что и они были люди, как и мы, и ничего особенного пред нами не имели, кроме доброго произволения и ревности о всяком добре, терпения, смирения и любви к Богу. Так стяжи себе это и ты, и душа твоя, вместо окаменелой и ожесточенной, делается источником слез; если же не хочешь сокрушаться и вздыхать, то не говори, по крайней мере, что это дело невозможное. Говорящий так отрицается очищения, ибо от века не слыхано, чтобы без слез очистилась какая-либо душа, согрешившая после крещения, между тем как Бог, богато дающий через Святое Крещение Духа Святого, отъял тем всякую слезу от лица земли. Впрочем, и во время Святого Крещения, как читал я в писаниях святых отцов, некоторые из крещаемых в зрелом возрасте в сильное приходили сокрушение благодатию Святого Духа и проливали обильные слезы, не горькие, но сладостные, не с трудом выжимаемые, но без труда свободно льющиеся и тихий покой вливающие в сердце. Те, которые сподобились делом испытать таковые слезы, признают истинным, что я сказал, и подтвердят то, как подтверждает свидетельство святого Григория Богослова, который, сказав: да приносит каждый из нас один то-то, другой то-то, и перечислив многое, наконец взывает: «Все же – слезы, все чистоту, все восхождение горе и простертие в предняя». Итак, в словах сих отделил ли Богослов иных, чтоб плакали, а иных, чтоб не плакали? И о тех сказал, что им возможно, а об этих, что им невозможно плакать? Или, может быть, как вы говорите, что есть такие, которые естественно жестокосерды и не могут приходиться в сокрушение и плакать, – не говорит ли того же и великий Григорий? – Да не будет. Неестественно человеку не плакать, не рыдать и не проливать слез; ни святой сей или другой кто из святых не сказал так и не написал. А что всем человекам естественно плакать, да научат тебя самые рождаемые младенцы, которые, как только выйдут из матерней утробы и спадут на землю, плачут и тем показывают, что они живы, а которые не плачут, подают мысль, что они не живы. Отсюда видно, что как только родится человек, имеет уже естественно плач и слезы. Это говаривал и святой отец наш Симеон Студит, что человеку должно с плачем прожить всю настоящую жизнь, с плачем и умереть, если хочет спастись и внити в блаженную жизнь.

Плач, являющийся тотчас, как родится человек, показывает, что слезы суть неотлучные спутники настоящей жизни. Как ястие и питье потребны для тела, так слезы потребны для души; так что если кто не плачет каждодневно, – не говорю: каждочасно, да не отягчу, – явно показывает, что у него душа в расстройстве и гибнет, как истощаемая голодом. Итак, если, как доказано, плач и слезы суть спутники человеческого естества, то никто да не отрицается от сего естественного блага; никто да не лишает себя сего блага по лености и нерадению; никто да не будет жестокосерд по злобе и лукавству, и по гордости души и да не попустит себе ниспасть в состояние жестокости камня; но да ревнует всяк, прошу вас, со всем усердием и тщанием держать плач и слезы, как заповедь Божию, и хранить их со вниманием в сердце своем, ограждая их там нищетою, смирением, простотою и незлобием души, терпением искушений и непрестанным поучением в Божественных Писаниях, каясь всегда и вспоминая свои прегрешения, – и никто да не радит о сем спасительном делании плача. Если же кто вознерадит о сем, разленившись и отчаявшись во спасении своем, пусть не говорит, по крайней мере, что это невозможно и для тех, которые ревнивы и тщательны. Говорящий так заключает врата Царства Небесного, ибо кто говорит, что невозможно плакать и сокрушаться, тот явно тем утверждает, что невозможно и очиститься, а без очищения никто не спасается, никто не ублажается Господом, никто не узрит Бога.

Если же таковы бывают последствия для тех, которые не плачут по заповеди Господа, то как же, скажи мне, эта ересь не будет худшею всех других ересей? Но кроме того, из такого

мудрования следует еще, что и самое воплощенное Домостроительство Божие совершено напрасно и без пользы, и проповедь апостолов бесплодна и бесполезна, и оглашения и поучения святых отцов, всегда подвигающие нас к плачу, тоже, по-ихнему, напрасны. Для тех, которые так мудрствуют, все Божественное Писание, как вижу, стало бесполезно. Заткнули они уши свои и стали глухи, как аспиды, и все спасение свое, как думаю, полагают в одной внешней и видимой чинности христианской, а которые из них иереи и монахи – в черных рясах и камилавках, или даже в больших бородах и длинных волосах. Величаясь таким благообразием, они дерзают ставить себя и в число спасенных. Но пусть дерзают, пусть и утешаются всем этим, как и образом своего мудрования. Нагими предстанем мы Судищу Христову, *да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Так каждый день велегласно взывает к нам Божественное Писание, хотя они и не хотят это слышать. Если же наги предстанем мы Судищу Христову, то где тогда будут эти облачения, какими покрываем мы теперь и украшаем тела свои? Где эти блестящие рясy? Где изящные камилавки? Где щегольские сапоги? Где разукрашенные пояса? Где величавые выступления? Где изысканные приветствия? Где преждевозлежания на сборищах? Где многорасходные трапезы? Где тщеславие наше, гордыня и властолюбие? Где пространные келлии, убранные, будто покои новобрачных? Где неукротимые бесчинные смехи, безвременные беседы и празднословие? Где святыня наша, как величают нас и как любим мы быть величаемы? Где льстецы, которые величают нас святыми (говоря: отче святой) и стопы ног наших возмущают? Где чины, из-за которых рвемся мы опереживать друг друга? Где хвастовство родством и знакомством с властями? Где слава мирская и украшение титлом мудреца века сего? Где риторский язык, из которого, как из источника, течет цветистая речь? Где тогда, или, лучше сказать, где теперь мудрец, где книжник, где совопросник века сего, чтоб сесть нам вместе и посоветаться о том страшном дне и часе, все расследовать и рассудить и с самими собою, и с Божественным Писанием, чтоб наверное определить, что может помочь нам тогда, и затем взяться делать то со всем усердием и ревностью?

Поистине, братия мои возлюбленные, великая нужда и теснота, великий страх и трепет обьмет в тот час тех, которые, подобно мне, бывают здесь нерадивы и беспечны. Но блажен и треблажен тот, кто теперь считает себя низшим всякой твари, смиряется и сокрушается, плачет и рыдает дни и ночи пред Богом, потому что он в благоукрашении станет одесную Его. Блажен и тот, кто, услышав о всем этом, не воздыхать только будет, отлагая между тем исправление с ныне на завтра и продолжая бесполезно проводить время жизни своей, но как только услышит Господа, призывающего: покайтесь, тотчас полагает начало покаянию. Ибо такой сретит милость, как послушный и благодарный раб, и не будет осужден с непокорными; но в настоящей жизни получит прощение во грехах и, облекшись силою благодати, препобедит все страсти и преуспеет во всякой добродетели, а в будущем веке сподобится неизреченных благ вместе с благоугождавшими Богу всегда, – которые улучшить и всем нам буди благодатию Господа нашего Иисуса Христа, с Коим Отцу и Святому Духу держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово сорок восьмое

Никто да не дерзает думать, что возможно спастись одною верою, без делания добрых дел.

Если желаем, братия мои возлюбленные, улучшить Царствие Божие, то надлежит нам иметь к тому всякое внимание и тщание, всякую ревность и подвиг, и никак не думать, что для того, чтобы спастись, достаточно нам лишь веровать в истинного Бога и быть православными христианами, приводя в оправдание такого мнения сказанное Господом слово: *иже веру имет и крестится, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 16). Напротив, сего-то ради наипаче и должно нам подвизаться и ревновать о том, чтобы ходить достойно звания, в которое призваны, как говорит апостол Павел, то есть делать дела, достойные Христа, от Коего получили имя и называемся христианами, зная, что большее получим осуждение, если, несмотря на такое наименование, будем жить в лености и нерадении. Посему не думай, брате мой, что спасешься с одною верою. *Кая польза, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда может вера спасти его?* – учит святой апостол Иаков (2, 14). Послушай, что и Сам Господь говорит: *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21). То же внушает и божественный Павел, говоря: *Бога исповедуют ведут, а дела отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви и на всяко дело благое неискусни* (Тит. 1, 16). Видишь, возлюбленный, как невозможно спастись кому-либо с одною верою, без дел? Если бы спасались одною только верою, то все бы люди спаслись и никто из нас не погиб бы; потому что нет человека, который бы не веровал, что есть Бог. Даже и злые демоны веруют, что есть Бог. Слушай, что сами они говорят: *вем Тя, кто еси, Святым Божий* (Мк. 1, 24). И опять в другом месте говорили они об апостолах: *сии человецы раби Бога Вышняго суть, иже возвещают путь спасения* (Деян. 16, 17). Видишь, что и бесы веруют, что есть Бог? И, однако же, эти верующие, что есть Бог, осуждены в геенну огненную за злые дела свои. Итак, добра есть вера, если стяжешь и дела. Иначе, как тело без души бывает недвижимо и недействительно, так и вера без дел мертва есть. И послушай, что после приведенных выше слов, – *какая польза человеку, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда может вера спасти ело?* – говорит святой Иаков, брат Божий: *аще брат или сестра нага будут и лишени будут дневных пищи, речет же им кто от вас: идите с миром, грейтесь и насыщайтесь: не даст же им требования телеснаго: кая польза? Такожде и вера, аще дел не имать, мертва есть о себе. Покажи ми веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою* (Иак. 2, 14–18).

Слыша сие, брате мой, оставь великое нерадение свое и попекись с верою иметь и дела. Кто имеет веру вместе с делами, тот лучше даже того, кто творит знамения и чудеса.

Ибо какая прибыль и какая польза от чудес и знамений для творящего их, если он изгнан будет из Царствия Небесного и наследует геенну с огнем неугасимым? Разве творящий знамения может спастись ради только знамений сих и исцелений, если не имеет дел, делающих его праведным? Никак. И слушай, что говорит Господь: *мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отыдите от Мене, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22, 23). Видишь, что и те, которые творят знамения и имеют дар пророчества, никакой от того не получают пользы без дел?

Кто истинно верует, тот не станет собирать деньги, ибо уверен, что Бог не оставляет без промысления верующих в Него, но имеет о них попечение, как сказал Господь: *весть Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его,*

и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 32, 33). Кто верует, тот раздает деньги свои бедным, ибо уверен, что сторицею за то примет и живот вечный наследует. Вот послушай, что говорится о тех, которые веруют истинно: *вси веровавшии бяху вкупе и имяху вся обща: и стяжания и имения продаяху, и раздаяху всем, егоже аще кто требоваше* (Деян. 2, 44, 45). И еще: *елицы господие селом или домовом бяху, продающе приношаху цены продаемых. И полагаху при ногах апостол: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Деян. 4, 34, 35).

Кто верует, тот не гордится, но, подражая Господу, притрудно взыскивает смирения, как и Господь. Кто верует, тот не смеется, но рыдает и плачет о грехах своих: ибо слышит, что смеющиеся в этой жизни будут плакать и рыдать в будущей. Те, которые веруют, не бывают гневливы и вздорны, но хранят кротость, подражая Господу, Который говорит: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Почему и ублажает таковых, говоря: *блажени кротцыи: яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5). Который верует, тот ненавидит неправду и любит правду, потому что Бог возлюбил правду и возненавидел неправду (Пс. 44, 8) и потому что, как написано, *любяй неправду ненавидит свою душу* (Пс. 10, 5). Которые веруют, те не только сами не ссорятся между собою, но умиротворяют и тех, которые рассориваются, подражая Господу, потому что и Он то же сделал, когда нас, врагов сущих, примирил с единосущным Отцом Своим (Кол. 1, 21, 22). Верующий без роптания переносит всякое искушение, будучи уверен, что за такое терпение получит венец нетленный, как говорит апостол Иаков, брат Господень: *блажен муж, иже претерпит искушение, зане искушен быв примет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его* (1, 12).

Который верует, тот не гневается, но долготерпит, соблюдая заповедь Господа, Который повелевает совсем не гневаться (Мф. 5, 22). Кто верует, тот соблюдает целомудрие и не оскверняет себя ни блудом, ни прелюбодеянием, ни другими нечистотами, но хранит чистоту и целомудрие, ибо уверен, что оскверняющие тела свои не спасутся, как написано: *блудников же и прелюбодеев судит Бог* (Евр. 13, 4). Верующий не противится брату, но всем служит и не ропщет, а пребывает в терпении Божиим, веруя, что тем большую получит награду, как говорит и Господь: *иже хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга: и иже хочет в вас быти первый, буди всем раб* (Мф. 20, 26, 27). Кто верует, тот не клятвопреступничает и совсем никакой не произносит клятвы устами своими, повинаясь Господу, Который сказал: *Аз же глаголю вам не клятися всяко* (Мф. 5, 34). Кто верует, тот не бывает ленив на молитвы и не нерадит о службах церковных, но всегда себе внимает и молится непрестанно. Верующий никого не осуждает, веруя, что мы все – в епитимиях, что всех имеет судить Бог и что каковым судом кто судит других, таковым и сам будет судим.

Кто верует, тот не идет широким и просторным путем, ведущим в пагубу тех, которые им идут, но идет путем тесным и прискорбным, веруя, что, поскорбевши на нем немного, будет вечно радоваться с Господом и всеми святыми. Верующий не любит мира, ни вещей мирских, ни родителей или братий, ни жены или детей, ни другого чего, но любит единого Господа и, взявши крест Его, последует Ему. Кто верует, тот не остается нераскаянным во грехах своих, но если и согрешит, как человек, кается, сокрушается и плачет о грехах своих, стараясь не грешить более. Верующий не любит гулять и не услаждается винопитием, срамным бражничаньем и блудническими свиряниями и песнями, но всегда помнит о смерти, о страшном дне Судном и, помня о сем, молится, постится, от всего воздерживается и прежде смерти спешает приготовиться, как ответить и дать отчет пред Царем славы.

Верующий любит Господа и ненавидит всякое зло, Ему противное. Которые веруют, те не питают вражды и ненависти против брата своего и не воздают злом за зло, но любят ненавидящих их, добро творят злотворящим им, благословляют клянущих их, сносят творящих им напасть и радуются, когда их поносят, не принимают в счет никакого зла, потому что имеют любовь неподдельную, чистую, истинную, – какую имел святой Павел, засвидетельствовавший о себе: *истину глаголю о Христе, не лгу, послушествовающей ми совести моей*

Духом Святым, яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему, молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти (Рим. 9, 1–3), – какую явил и пророк Моисей, сказавши к народу: *вы согрешисте грех велик: и ныне, взыду к Богу, да умолю о грехе вашем. И возвратися Моисей ко Господу и рече: молюся Ти, Господи: согрешиха люди сии грех велик и сотвориша себе боги златы. И ныне, аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изгладь мя из книги Твоея, в нюже вписал еси* (Исх. 32, 30–32).

Такое же расположение имел Давид, ибо говорит: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6). Видишь, какая любовь была у тех, которые истинную имели веру?

Кто верует, тот никакого дела не делает с лицемерием, но все дела свои делает для Господа и как пред Господом, ибо к Нему имеет прикованными очи души своей и от Него единого верует прияти воздаяние за дела свои. Верующий любит тех, кои право веруют в Господа, а которые неправо веруют в Него, тех отвращается, терпеть их не может и гонит с глаз своих. Кто верует, тот не преслушивает Божественных словес, но, как верный работник Божий, с готовностью совершает всякое дело, ими указуемое. Кто верует, тот не льстит и не творит зрения на лица, но и беседует и все другое делает по истине и в правости сердца, ибо верит тому, что сказал пророк: *горе глаголющим лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающим тму свет, и свет тму, полагающим горькое сладкое, и сладкое горькое* (Ис. 5, 20). Которые веруют, не гордятся и не высокоумствуют, увлекаясь похвалами и льстивыми речами, зная, что говорит Господь через пророка: *людие Мои, блажащии вас льстят вы и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12). Кто верует и ради Господа отвращается от мира, тот уже не соплетается более ни с чем мирским, внимая слову апостола, который говорит: *никтоже воин бывая обязуется куплями житийскими, да воеводе угоден будет. Аще же и подвизается кто, не венчается, аще не законно подвизатися будет* (2 Тим. 2, 4, 5).

Кто верует, тот не одобряет ничего злого, но даже до смерти стоит за Христа и истину, не страшась, поелику те, которые, видя злые и незаконные дела, бывающие пред очами их, спускают им, являются подобными тем, которые творят их, и погибнут вместе с ними, как и первосвященник Илий погиб вместе с беззаконноовавшими сынами своими, которым потворствовал; таковых и пророк назвал псами безгласными. Кто верует, тот не любит неправо верующих, как говорит Давид: *не ненавидящия ли Тя, Господи, возненавидех, и о вразех Твоих истаях? Совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми* (Пс. 138, 21, 22). Кто верует, тот всегда говорит истину, и из уст его не исходит никакая ложь, ибо те, которые говорят ложь, неверные суть и сыны диавола. Кто верует, тот не лихоимствует, но паче благоустроителю и милует, веруя, что милостивые помилованы будут, а лихоимцы преданы будут во аде червю неусыпающему.

Кто верует, тот не причащается недостойно Пречистых Таин, но очищает себя от всякой скверны, от чревоугодия, от злопамятства, от дел злых и слов срамных, от смехов бесчинных, от скверных помыслов, от всякой нечистоты и от всякого греховного внутри движения, – и таким образом приемлет Царя славы; напротив, в тех, которые недостойно причащаются Пречистых Таин, стремительно врывается диавол и входит в сердце их, как случилось с Иудею, когда он причастился Вечери Господней; почему и говорит божественный Павел: *да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет: ядый бо и пийй недостойне, суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливи, и усыпают довольни* (1 Кор. 11, 28–30). Кто верует, тот не оклеветывает и не осуждает братьев своих христиан, но паче хвалит их, потому что те, которые хвалят других, будут похвалены святыми Ангелами в Царствии Небесном; но увы и горе тем, которые осуждают и поносят других, будто злых, потому что они будут ввержены злыми бесами во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов. Кто верует, тот идет правою стезею заповедей Божиих, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе, и никого не развращает

худостью своею, потому что развращающий других хуже диавола; почему и говорит Бог устами пророка Аввакума: *горе напаяющему подруга своего развращением мутным!* (2, 15). Кто истинно верует, тот не устами только и языком верует, но сердцем, и такового дела явны бывают всем, ибо *не может град укрытись веру горы стоя* (Мф. 5, 14). Тот, кто верует истинно от сердца, исполняет заповеди Господни, а кто верует на словах только, а не сердцем, тот пуст бывает от добрых дел. О таковых говорит Господь через пророка: *приближаются Мне людие сии усты своими, сердце же их далече отстоит от Мене* (Ис. 29, 13).

Итак, брате мой, когда видишь, что ты обильно богат всякого рода худыми делами, но скуден и пуст добром, скажи мне, как можешь ты называть себя верным? В таком случае ты, как я думаю, хуже всякого неверного, потому что и *языцы, не имущие закона, естеством законная творят* (Рим. 2, 14). Почему, если веруешь, беги от греха, и с воплем восстанай и восплачь, осуждая себя самого, оставь злые дела, в которых жил ты доселе, и восприими подвиг покаяния и исправления, чтоб с добрыми делами явиться тебе пред Царем славы в оный страшный день Суда, в который воздаст Он каждому по делам его. Апостол говорит: *аще кто назидает на основании сем злато, серебро, камень честное, дрова, сено, тростие, когосждо дело явлено будет: день бо явит, зане огнем открывается: и когосждо дело, яко-воже есть, огонь искусит. И егоже аще дело пребудет, еже назда, мзду приимет: а егоже дело сгорит, отщепится: сам же спасется, такожде якоже огнем* (1 Кор. 3, 12–15). Подумай же, брате, об ужасно страшном таинстве сем и трепещи из-за того, что слышишь. Ибо если всех людей имеет испытывать огонь, то ты где тогда явишься? И как дерзнешь ты приблизиться к нему, когда наздал в себе такую тяжелую и неудобноносимую ношу из сена и тростия и всякого другого худого вещества? Увы мне! Что буду делать тогда? Эта суходревесная ноша зол моих сгорит от одного огня неугасимого, а я останусь цел, чтоб вечно гореть в оном огне вечном за злые и лукавые дела мои. Почему, брате мой возлюбленный, приняв сие к сердцу, упреди время, оставь все недобрые дела, какие делал ты от юности своей, и пробудись от сна беспечности и нерадения. Войди в себя и исправь великие и бесчисленные пороки свои. Изгони греховные и страстные расположения. Отбрось от себя плотские сладострастия через исполнение заповедей Божиих и стяжи чистую и истинную веру в Бога, да будешь достойно увенчан от Него и сподобишься Царствия Небесного, которое улучшить буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Кому слава и держава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово сорок девятое

О духовном ведении, и что сокровище Духа сокрыто в букве Божественного Писания, и явно не для всех, а лишь для тех, кои стяжали в душу свою благодать Святого Духа.

Духовное ведение подобно дому, построенному посреди эллинского и мирского знания, в каком доме находится, как сундук какой, крепко-накрепко замкнутый, знание Божественных Писаний и неизреченное богатство, сокрытое в сем знании Писаний, то есть Божественная благодать. Этого богатства не могут видеть входящие в дом, если не будет для них открыт сундук; сундука же сего открыть невозможно никакою человеческою мудростью. Почему все люди, мудрствующие по-мирски, не знают духовного сокровища, которое лежит в сундуке духовного ведения. И как, если кто подымет этот сундук на плечи, не может еще по одному сему видеть сокровище, которое внутри его, так, если кто прочитает и даже на память заучит все Божественные Писания, и может прочитать их все, как один псалом, не может по одному этому постигнуть благодать Святого Духа, которая сокрыта в них, ибо ни того, что находится внутри сундука, нельзя обнаружить посредством самого сундука, ни того, что сокрыто в Божественных Писаниях, нельзя открыть посредством самих Писаний. — Каким же образом это можно, послушай.

Предположи, что ты видишь небольшой сундучок, крепко запертый отовсюду, и, судя по тяжести его и по внешней видимой тебе красоте его, догадываешься или от другого кого узнаешь, что внутри него находится богатое сокровище; предположи также, что ты схватил этот сундучок на плечи и убежал с ним. Спрошу тебя теперь, какая тебе от него польза, если он навсегда останется для тебя запертым и ты не откроешь его и не увидишь во всю жизнь свою сокровищ его, — ни блеска многоценных камней и маргарит, ни золота, что внутри него? Какая тебе польза, если ты не ухитришься достать хоть малость какую из тех сокровищ и купить себе что съестное или из одежд, а побережешь тот сундук всю жизнь запертым, как мы сказали, и запечатанным, полным великих и многоценных сокровищ, тогда как ты умираешь от голода, жажды и наготы? — Конечно, никакой. То же самое, брате мой, бывает и в духовных вещах. Сундук, скажем так, есть Евангелие Христово и прочие Божественные Писания, которые имеют внутри себя сокрытую вечную жизнь и вместе с нею неизреченные блага небесные, как говорит Христос: *испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39). Человек же, который поднял сундук на плечи, положим, изображает того, кто выучил на память все Божественные Писания, всегда имеет их в устах и хранит в памяти душевной, как в сундуке, содержащем многоценные камни — заповеди Божии, в коих живот вечный, а вместе с заповедями Божиими и добродетели, как маргариты. Ибо от заповедей рождаются добродетели, а от добродетелей явными делаются таинства, сокрытые в букве Писания. Тогда преуспевают в добродетелях, когда хранят заповеди; и опять, тогда хранят заповеди, когда ревнуют о добродетелях; а посредством добродетелей и заповедей открывается для нас дверь ведения, или, лучше сказать, она открывается Иисусом Христом, Который сказал: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. И Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Таким образом, когда вселится в нас Бог и откроет нам Себя заведомо (знательно, осязательно), тогда и мы прозрим к ведению, то есть уразумеем действительно те Божественные таинства, которые сокрыты в Божественных Писаниях. Другим же каким-либо способом достигнуть сего невозможно. И пусть никто себя не обманывает, думая, что открыл иначе как этот сундучок ведения и вкусил благ, кои внутри него, то есть достиг причастия их и созерцания их.

Но какие это блага, о коих я здесь поминаю? – Совершенная любовь к Богу и ближнему, презрение всего видимого, умерщвление плоти, плотских членов, которые на земле, и срамной греховной похоти; так чтобы, как мертвый ни о чем не помышляет и ничего не чувствует, так и мы не помышляли совершенно ни о каком злом похотении и не чувствовали никакого насильственного и властного давления на нас греха, искушающего нас, но помнили бы только заповеди Спасителя нашего Иисуса Христа, бессмертие и нетление, славу непрестающую, жизнь вечную, Царство Небесное и усыновление, полученное нами через новое рождение от Духа Святого, в коем (рождении) соделались мы сынами Божиими и богами по благодати, наследниками Божиими и сонаследниками Христовыми, – помнили бы также, что с сими благами стяжали мы и ум Христов, или дух Христов и благодать Святого Духа, и им (умом) познали Бога и Самого Христа, обитающего в нас и сшествующего нам в нас. Итак, те, которые, слыша заповеди Божии, творят их, сподобляются богато получить все эти неизреченные блага, подаемые ради того (творения заповедей) посредством открытия сказанного сундучка или посредством отверстия умных очей душевных и узрения того, что сокрыто в Божественных Писаниях.

Другие же, которые не познали того, о чем мы сказали, и не испытали того делом, те не вкусили еще сладости и жизни бессмертной, какую имеют Божественные словеса, и хвалятся лишь знанием, и надежду спасения своего полагают в одном изучении Божественного Писания и в том, что знают его на память. Такие по смерти будут осуждены паче тех, кои совсем не слышали Писания, – и особенно те из них, которые, заблуждаясь по неведению, извращают смысл Божественного Писания и толкуют его по похотям своим, желая оправдать самих себя, будто то есть и без точнейшего соблюдения заповедей Божиих можно спастись. Для них недоступна сила Божественных Писаний. – И праведно. – Ибо как можно то, что сокрыто и запечатано, что незримо и неведомо для всех людей и что открывается только Духом Святым и только таким образом будучи открываемо узревается и познается нами, – как можно постигнуть это или познать посредством учения (научно), или даже помыслить о том – тем, которые сами о себе говорят, что ни разу не ощутили присутствия Духа Святого и не знают, что такое есть просвещение или осияние Его, коими свидетельствуется обитание Его в нас? Как возможно понять сие тем, которые ни разу не сознали в себе никаких проявлений, которые удостоверяли бы, что в них совершилось возрождение, воссоздание, обновление и изменение, бывающие от Духа Святого? Да и как возможно познать изменение, совершающееся в окрещенных Духом Святым, тем, которые еще не окрестились Духом Святым? Или как возможно видеть славу рожденных свыше, то есть от Бога, тем, которые не родились свыше? И тем, которые после того как, по слову Иоанна Богослова, получили область чадами Божиими быти, не восхотели пребыть такими чадами, но по нерадению потеряли и самую благодать Святого Крещения, – скажи мне, прошу тебя, – как возможно понять разумно или хоть мало-мальски представить, в какую Божественную духовную славу вступили сподобившиеся соделаться чадами Божиими? Бог есть Дух невидимый, бессмертный, неприступный, недомыслимый, и тех, кои рождаются от Него, делает такими же, подобными то есть Отцу, родившему их. Они хотя по телу всем видимы и всеми знаемы бывают, но по духу познаются только от Бога, как и Бога они только знают как следует; – или, лучше сказать, они желают быть знаемыми и зримыми только от Бога, к Коему устремлены всем желанием и всею любовью и Коего умно зрят непрестанно.

Употребим и другое сравнение. Как плохо научившиеся грамоте и не упражнявшиеся в чтении не могут читать так, как те, которые и грамоте научились хорошо, и долго упражнялись в чтении, так и те, которые не хотели исполнять делом заповедей Божиих, не могут удостоиться узреть откровение Духа Святого наравне с теми, которые подвизались в делах заповедей и достигли полного в сем совершенства, пролив даже за них и кровь свою. И как тот, кто взял бы в руки книгу, закрытую и запечатанную, не может увидеть или узнать,

что в ней написано, хотя бы обладал всею мудростью мира, так и тот, у кого, мы сказали, все Божественное Писание в устах, не может понять и постигнуть таинственную и Божественную славу и силу, сокрытую в нем, если не будет исполнять заповедей Божиих и не сподобится получить Утешителя, Духа истины, Который бы раскрыл пред ним слова Божественного Писания, как книгу, и показал ему таинственно славу, которая внутри их, – при этом же показал бы силу и блага Божии, сокрытые в них, вместе с вечной жизнью, преисполненной тех благ, которые сокрыты и неведомы для всех нерадивых презрителей заповедей Божиих. – И достойно сокрыты. – Ибо так как они прилепили все чувства свои к суете мирской, пристрастились к обманчивым благам настоящей жизни и омрачились через то умом своим, то и не могут вознестись горе, чтоб помышлять о мысленной красоте неизреченных благ Божиих.

Как тот, у кого болят глаза, не может сносить света лучей солнечных, и если бы стал принуждать себя смотреть на них, потерял бы и этот малый свет очей своих и совсем бы ослеп, так и тот, у кого болят очи душевные, то есть у кого ум омрачен мирскими и плотскими вещами и чувства все страстны, не может смотреть на телесную красоту и благообразие нестрасно, без вреда и ущерба для души своей, и если станет смотреть и замедлит умом в помышлении о красоте той, то потеряет и тот малый мир помыслов, тот покой и тишину срамной похоти, какие имел прежде, чем начал смотреть на ту красоту, когда не докучали ему злые помыслы и срамное похотение. Таковой не может даже и сознать, что он болен. Если б он уверился, что болит душою, будучи исполнен страстей, то, конечно, подумал бы, что есть другие здоровые душою, и, может быть, иногда осудил бы себя за это, потому что сам был причиною немощей своих, и начал бы заботиться о том, как бы избавиться от этих немощей. Но как он всех других почитает так же страстными и больными, как и сам, то и не думает отставать от них, говоря, что нет возможности, чтоб кто-нибудь стал выше их. Так и умирает несчастный в страстях, потому что никогда не доходил до желания избавиться от такого зла. Если бы пожелал, мог бы, так как получил на это силу от Бога. Ибо которые крещены во имя Его, те совлекаются прежнего растления греховного, как ветхой одежды, и облачаются во Христа, обновляясь к жизни по Нему и соделоваясь сынами Божиими по благодати.

Но, братия мои, да не будет и нам быть похожими на тех, которые имеют такую худую славу и находятся в таком жалком состоянии, потому что совсем оземленились и стали как запущенное поле, полное терний. Да будет же нам последовать Христу Господу, за нас умершему, и воскресшему, и вознесшему человеческое естество на небеса, – жить по образу жизни Христа, Который есть для нас образец, и соблюдать заповеди Его, очистившись наперед от скверны греховной посредством покаяния, исповедания грехов и снова облекшись в светлое одеяние Духа Святого во Христе, Боге нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово пятидесятое

1. Не должно с нерадением проходить делание заповедей Божиих, но должно подвизаться соблюсти их все.

2. Испытания надобно переносить великодушно.

1. Апостол Христов Иаков, брат Божий, говорит в Послании своем: *имже весь закон исполнит, согрешит же во едином, бысть всем повинен* (Иак. 2, 10). И опять блаженный Павел говорит: *подвизайся от всех воздержитя*. А чтобы еще яснее представить это, святой Петр прибавляет: *имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть* (2 Пет.

2, 19). Так что, братия мои, кто поработен хоть одной страсти, даже самой малой, тот явно обладает ею и не может повиноваться заповеди Господней, ее запрещающей. Ибо как возможно, чтобы слушался Христа тот, кто имеет над собою другого господина? Да и почему бы нам самим не додуматься до истины, выраженной в апостольских словах, убеждаясь в ней тем, что видим глазами своими? Ибо видим, что те, которые плавают по морям, не говорят: ну, теперь мы миновали всякую беду, хотя проплыли уже столько и столько миль; потому что нередко у самой пристани набегают внезапно буря и подвергает крайним опасностям и бедам; но тогда уже говорят, что благополучно совершили плавание свое, когда войдут в пристань и ступят на твердую землю. Равно и те, которые путешествуют по суше, имея в виду достигнуть до какого-либо города, не говорят, что избавились уже от всяких бед, когда успеют переехать такую-то реку или такую-то гору, или миновать таких-то разбойников, ибо может случиться, что нападут на другого какого убийцу или на какого-либо зверя, и убиты будут, или встретят еще реку глубокую и утонут в ней. Даже когда уже избавятся, с помощью Божией, от всякого искушения и всякой смертной опасности и приблизятся к городу, и тогда не могут еще сказать, что благополучно совершили путь свой; потому что если, миновав столько опасностей, зазеваются и перестанут спешить, затворят ворота города, и они останутся вне, – и не знать еще, что может случиться с ними до завтрашнего дня.

Представь себе теперь, что этот город есть Царство Небесное, ночь – смерть каждого, завтрашний день – второе пришествие Христово, которое есть день Суда. Итак, кто не постарается достигнуть Царствия Небесного и внити в него, пока находится в настоящей жизни, и в то время, как выйти душе его из тела, окажется находящимся вне сего Царствия, – найдет на него ночь, то есть смерть, – и не знать, что будет с ним в завтрашний день, то есть в день Суда, – позволят ли или не позволят ему войти в град Царя великого.

Также и о серне, или олени, или другом каком животном не говорится, что они избегали беды, когда убежали от того или этого охотника, или пса, или не попались в те или другие сети; потому что, может быть, они еще попадутся в руки другого какого охотника или попадут в другие сети. – Представь себе опять и здесь, что охотники суть бесы, псы ловчие – лжеучители, которые кусают и раздирают лживыми словами овец Христовых и предают их в руки охотников, то есть демонов. А под сетями разумею лукавые и срамные помыслы, которые опутывают души услаждающихся ими и влекут их к сосложению с ними; и когда доведут до сего, вяжут их туго, так что нет сил изгнать эти срамные помыслы из ума, но они неотвязно толпятся в нем, возбуждают щекотания и движения плотские, разжигают скверную похоть и погружают в тину греха.

Итак, надлежит, сколько сил есть, избегать всякого греха и творить всякую добродетель, и хранить со всею ревностью все заповеди Божии, не презирая ни одной, даже малейшей. Кто говорит: мне когда бы хоть не сделать такого-то большого зла и не впасть в такой-то великий грех, а такой-то и такой-то маленький грешок – ничего, тот, очевидно, не любит заповедей Божиих и готов нарушить всякую из них. Представь себе, что человек есть как

бы какой многоценный сосуд, составленный из всех святых добродетелей – из веры, страха Божия, смирения, молчания, послушания даже до смерти, отсечения своей воли, всегдашнего покаяния и сокрушения, непрестанной молитвы, строгого хранения очес, беспристрастия, равной ко всем любви, нелюбостязания, целомудрия, упования на Бога, совершенной любви и всех других добродетелей, которые рождаются от этих. Каждая из них есть как бы часть какая сосуда того: то золотая, то серебряная, то медная, то соответствующая камню драгоценному, и все они подобные разным высокоценимым вещам, которые, быв соединены, согласованы друг с другом и сочетаны Духом Святым, составляют того человека, как сказали мы, сосуд избран и благопотребен, в который влагается, как новое вино, благодать Христова. Скажи мне теперь, если будет недоставать одной какой из тех добродетелей, из которых устроился этот сосуд, то благоугодно ли будет Богу вложить в него какой-либо из даров Святого Духа, хотя бы дыра, образуемая недостатком той добродетели, была очень незначительна? Конечно, не будет благоугодно. Потому что, что бы ни было влито в такой сосуд, мало-помалу все вытечет в сказанную малую дыру.

Как же мы думаем о себе самих, что мы сосуды совершенные и целые и что имеем в себе Духа Святого, как некое сокровище, тогда как у нас есть только немного добрых дел, и те разделены одно от другого грехами, добродетелей же очень многих недостает у нас, потому что мы не позаботились стяжать их деланием заповедей Христовых? Поистине, как говорит святой Павел, мы осуетились помышлениями своими, и омрачилось неразумное наше сердце, – и, *глаголющегося быти мудри*, мы обьюродели (Рим. 1, 22). Между тем, о себе и подобных ему тот же божественный Павел взывает, говоря: *Бог рекший из тмы свету возсияти, – возсия в сердцах наших. Имамы же сокровище сие в скудельных сосудах* (2 Кор. 4, 6, 7). Сосудами называет он тела наши, как можно видеть из другого его слова: *или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть?* (1 Кор. 6, 19). Скудельными же он их назвал, чтоб показать немощь естества нашего. Но эти скудельные сосуды по причине непобедимой силы сокровища, то есть Духа Святого, в них находящегося, несокрушимо прочны и тверды. Почему вслед за сим и прибавляет апостол: *да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Этим вот что хочет он сказать: не думай, брате, что ты хранишь сущее в тебе сокровище, напротив – сокровище хранит тебя. Благодать Божия, сущая в тебе, уготовала тебя в сосуд честный, благоугодный Богови. И то дивно, что если начнут сокрушать сей сосуд, не мы, но враги наши, то и сокровище не разольется, и сосуд делается еще более крепким и безопасным по действию на него сокровища, потому что сокровище есть Бог. Об этом опять тот же апостол говорит: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе* (Флп. 4, 13).

Соблюдается же сокровище сие в нас, как сказали мы, точнейшим соблюдением всех заповедей и, будучи соблюдаемо, нас самих блюдет всесторонне невредимыми, непревратными и неподвижными, по человеколюбию, могуществу и благодати своей. И если иной раз случится нам, как немощным и легкопадательным, сделать малое какое опущение в том, что лежит на нас как долг, или несколько погрешить, сокровище это тотчас нас возвращает к себе, теснее соединяет с собою и восполняет допущенный ущерб или недостаток, нас же самих делает более твердыми и безопасными. Почему прошу вас, возлюбленные мои во Христе братия, представляйте Богу самих себя всегда чистыми от всякого греха и неотступно пребывайте в хранении всех спасительных заповедей Его. Ибо тогда Сын Божий и Бог Слово, всепремудрый оный художник, взявши все эти заповеди как какое вещество (материал) из золота, серебра и драгоценных камней, соединит их все вместе и с ними уготовит нас в сосуды честные и благопотребные. Почему никак не подобает иные заповеди исполнять, а иные оставлять неисполненными, или, исполнив все заповеди, являться пред Владыкою Христом презорливыми нерадивцами об одной какой-либо, чтоб Он, разгневавшись за эту одну, не бросил и тех всех вместе с нами и не приказал выгнать нас вон из Своего чертога. Но если мы постраждем это, то после уже ничто не будет нам в пользу, и как много ни сту-

чали бы мы в дверь, взывая: Господи, Господи, отверзи нам! – Он скажет нам: отойдите от Меня (о, страшное слово!). Я не признаю вас за верных, потому что вы не верили словам Моим, не повиновались даже до смерти повелениям Моим и не соблюдали заповедей Моих; потому отойдите от Меня!

Знаю, братия, что я, бедный, первый услышу такие слова, как не соблюдавший ни одной заповеди Бога моего; потом услышат их те, которые, как и я, суть непокоривые преслушники заповедей Божиих, те, которые несмысленно говорят: мне когда бы хоть не соблюсти, а поклясться – ничего; мне когда бы хоть не впасть в прелюбодеяние, а украсть малую монету или кусок хлеба – какой грех? Далее те, которые говорят: блажен бы я был, когда хоть не впасть бы в срамное и нечистое мужеложство, а брань, игры и песни – не грех. Равным образом и те, которые думают о себе, что они Ангелы Божии, потому что чисты от плотских грехов, и, высокое о себе имея мнение, гордятся непомерно, будто совершенные, а между тем никакой заботы не имеют о добродетелях душевных и о страстях, небрегут и о всех прочих заповедях Христовых и не нудят себя исполнять их, но всякое дело, сколько-нибудь трудное, пропускают и от всяких лишений устраниваются, хотя без этого нельзя бывает исполнить заповеди, и вообще ведут жизнь беспечную. Что пользы, братия мои, если кто воздерживается от блуда и от всякой другой плотской нечистоты, а между тем славолюбив и сребролюбив? Ибо блуд растлевает тело, а славолюбие и сребролюбие растлевают душу. И не только это, но, по слову Господа, слава человеческая и славолюбие делают нас даже неверными. *Како можете вы, – говорит Господь наш, – веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите?* (Ин. 5, 44). Что пользы человеку, если он чист от мужеложства, но завидует и ненавидит брата своего? Ибо ненависть к брату делает убийцею того, кто ее имеет. Ибо *всяк ненавидяй брата, человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15), – говорит святой апостол. И по священным канонам одна и та же епитимия положена как для мужеложника, так и для убийцы, и если не покаются, оба равно осуждены будут на вечное мучение. Какая также польза, если кто не пьянствует, но потом поносит брата своего, когда, как говорит святой Павел, в том или другом пороке виновные равно изгоняются из Царствия Небесного? *Не льстите себе, – говорит он, – ни блудники... ни пияницы, ни досадители... Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9, 10). Скажи мне еще, что пользы от поста, когда недостает кротости? И что пользы от кротости, когда она соединена с нарушением заповеди? Ибо как тот, кто ударяет обратно того, от кого получил удар, бесчестит Бога, Который сказал: *аще кто тя ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39), так и тот, кто, являя кротость, молча переносит, когда слышит хулу на Бога, грешит против Бога, потому что, действуя так, он является сообщником того, кто хулит Бога. Что также ты много надеешься на послушание, когда поработен чревоугодию? Ибо невозможно, чтобы раб чрева был истинным рабом Божиим. Что хвалишься долгим стоянием за чтением Псалтири и других молитв, когда при этом ум твой блуждает туда и сюда и ты не понимаешь того, что читаешь? И особенно если, ради такого чтения Псалтири, нерадишь о лежащем на тебе послушании или служении братиям, ибо, конечно, ты слышал, что говорит Божественное Писание: *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением* (Иер. 48, 10). Что много надеешься на телесные добродетели, в которых подвизаешься с трудом и злостраданием, когда нерадишь о душевном делании? Не слышишь ли, что говорит святой Павел: *телесное обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8)? Или какую получит пользу тот, кто, исправляя оба делания, и телесное и душевное, осуждает, однако ж, братьев своих? Ибо Господь говорит: *Имже судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2). И тот опять, кто исправляет все сказанное, не делает ничего запрещенного и братьев своих не осуждает, но во время искушения, когда случится ему потерпеть неприятность, поношение и унижение, не переносит того без смущения, или когда смутится от того сердце его, не подавляет сего смущения, и хотя не выпустит слова неподобного, показывает, однако ж, внешним видом

лица своего, что душа его подвиглась на гнев, или другим каким образом устроит отмщение за себя, – как дерзнет таковой называть себя рабом и подражателем Христу, а не, напротив, врагом Его?

2. Те, которые суть настоящие друзья Божии, любят Его и имеют Его в себе как некое сокровище благ неистощимое, принимают такие поношения и бесчестия со всякою радостью и любят от чистого сердца, как благодетелей, тех, которые причиняют им. Но те, которые говорят: во время брани и мы, как люди, подвигаемся на серчанье и гнев, и иной раз делаем отмщение братьям нашим словом, или и делом, но после не держим на них вражды, но все забываем и оставляем, особенно когда испросим друг у друга прощение, – такие похожи на неписаную хартию, на которой враг наш, диавол, как только найдет время, пишет через них же самих свои скверные и злые повеления. Потом они это, написанное ими по внушению диавола, изглаждают; однако же вместо этих повелений диавола не вписывают заповедей Христовых, чтоб диавол, пришедши, нашел хартии сердец их исписанными и со стыдом удалился как побежденный. Но каждый из них оставляет, по нерадению своему, хартии сердец своих неписанными, и когда Господь пошлет написать на сердцах их повеления Свои, они тотчас со всею ретивостью пишут там веления врага, то есть принимают горькие и смертоносные хотения диавола, а животворные и паче меда сладкие внушения Божии отгоняют от себя. Для того и заушение претерпел Господь наш Иисус Христос и Бог, никого греха не сотворивший, чтоб грешники подражали Ему и через то не только получали отпущение грехов, но и делались общниками Божества Его за такое повиновение Ему. А кто не послушается Его и не снесет заушения с сердечным смирением, некоторым образом как бы стыдясь подражать страстям Христовым, того постыдится и Христос Господь пред Ангелами и Отцом Своим Небесным.

А что я говорю, вот что есть. Он, будучи Бог, соделался ради нас человеком, претерпел заушения, оплевания и крест, и такими страданиями, какие претерпел Он, бесстрастный по Божеству, научает нас некоторым образом и говорит каждому из нас: если хочешь ты, человек, обрести живот вечный и быть вместе со Мною, смирись и ты для Меня, как смирился Я для тебя, и, отложив гордое и диавольское свое мудрование, прими ударения по ланитам, оплевания и заушения и не постыдись претерпеть все сие до смерти. Если же постыдишься ты пострадать ради Меня и заповедей Моих, как Я пострадал ради тебя, то и Я сочту стыдом иметь тебя с Собою во второе пришествие Мое, когда приду со славою мною и скажу Ангелам Моим: этот постыдился смирения Моего и не захотел оставить славы человеческой, чтоб уподобиться Мне. Теперь же, когда он погубил тленную славу, а Я прославился бессмертною славою Отца Моего, стыжусь и Я даже смотреть на него; изгоните его вон. Да возьмется нечестивый и да не видит славы Господни!.. Вот что услышат те, которые по видимости исполняют заповеди Христовы, но, стыда ради человеческого, не стерпевают поруганий, бесчестий, заушений и ран, когда следовало бы претерпеть их за заповеди Господни. Ужаснитесь и вострепещите, людие, слыша сие, и с радостью претерпевайте страсти, какие претерпел Христос для спасения нашего. Бог заушается от какого-нибудь ничтожного раба, чтобы дать тебе пример победы, а ты не хочешь принять заушение от подобострастного тебе человека? Стыдишься, человеке, подражать Богу? Как же тебе соцарствовать и прославиться вместе с Ним в Царствии Небесном, если не потерпишь того же? Если бы Он захотел последовать твоему правилу и устыдился соделаться человеком ради тебя, тогда и не знать, что бы такое было.

Веришь ли ты, что Христос есть Бог? Да, говоришь, верю. Если веришь, что Христос есть Бог, Который сотворил небо и землю, и на землю сошел из недр Отчих, от беспредельной высоты Божества и от неизреченной славы Его, и соделался человеком смиренным и бедным ради тебя; то как же ты, пыль и прах, не хочешь снизойти со своего воображаемого высокого трона и от не сущей славы своей, чтоб смириться пред братом своим, который по

видимости будто стоит низко, но, может быть, есть несравненно выше тебя по добродетелям? Стыдишься бедности и ветхих рубищ его, будучи одет в богатые одеяния? Но не пора ли и тебе презреть их, так как они воистину суть посмешище и обличение внутренней срамоты, а не слава светлая? Не хочешь во всем уподобиться Творцу своему и Богу, смиряясь вместе с братьями своими? Но если тебе не угодно соделаться подобным Христу, то явно, что ты делаешь себя, хоть и не зная того, большим и славнейшим Его, являешься для них как бы другой Анна, или Каиафа, или Пилат, ибо не хочешь, чтоб Творец всяческих был сопрестолен тебе, но хочешь, чтоб Он предстоял тебе, как какой-нибудь осужденник.

Это сказано к богатым и знатым, которые, ставя себя выше других, высоко поднимают брови свои и в гордости презирают других. Но что сказать нам к бедным или к тем, которые по-видимому оставили все и сделались нищими Царствия ради Небесного? Вот что скажем! Се, брате, соделался ты нищим, подражая Владыке Христу и Богу. Содержи же в мысли, что с тобою Христос, что с тобою сожительствоует Тот, Кто есть превыше всех небес. Представь же себе теперь: вот вы идете вместе оба, и кто-нибудь, встретясь с вами на пути настоящей жизни, ударил Владыку твоего в ланиту, ударил и тебя. Владыка Христос не пререкает, тебе же уместно ли противиться? Если скажешь, что и Христос тому, кто ударил Его в ланиту, сказал: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле, аще ли добре, что мя биеши?* (Ин. 18, 23); то знай, что Господь Иисус сказал сие не с тем, чтоб противиться, как ты думаешь, но поелику Он *греха не сотвори, ни обретесе лествица во устех Его* (1 Пет. 2, 22), то и сказал так, чтоб не подумали, что раб тот право ударил Его как погрешившего и виновного. Вот для чего Он сказал это слово – для того, чтоб показать, что Он неповинен. Мы же с тобою, конечно, не таковы, то есть не безгрешны, мы, напротив, каждодневно грешим и виновны во многих прегрешениях. Христос Господь в начале страданий сказал так, но после все терпел, что было гораздо хуже этого, и не видно, чтоб сказал где что-либо против; напротив, видно, что молил и просил Бога и Отца Своего простить тех, которые распяли Его. – Брате! Христос не негодовал, когда над Ним издевались, а ты изнемогаешь? Тот терпит заушения, заплевания и бичевание, а ты слова жесткого не можешь стерпеть? Тот подымлет крест, смерть поносную и раздирающую боль от гвоздей, а ты не принимаешь и послушания, кажущегося тебе унижительным? Как же думаешь ты быть общником славы Его, когда не хочешь быть общником поносной смерти Его? Поистине всуе подвизаешься ты, если не хочешь истинно взять на себя креста Христова, как Он повелел. Христос Господь юноше оному, а следовательно, и всем нам, сказал: *иди, елика имаши, продаждь, и даждь нищим: и прииди, ходи вслед Мене, взем крест* (Мк. 10, 21). А ты богатство свое, может быть, и раздал бедным, но креста подымать на себя не хочешь, не хочешь то есть охотно переносить искушения, какие встречаются тебе, потому и остался ты один на пути настоящей жизни, отделившись, к несчастью своему, от Владыки и Бога своего. Но прошу тебя, брате мой, будем соблюдать все заповеди Христовы и терпеть находящие искушения даже до смерти, по желанию Царствия Небесного, чтобы, сделавшись общниками страстей Христовых, соделаться общниками и славы Его, участниками жизни вечной и наследниками неизреченных благ, во Христе Иисусе Господе нашем, Кому слава во веки веков. Аминь.

Слово пятьдесят первое

Надлежит человеку прежде приять силу от Христа через Святое Крещение и тогда браться за исполнение заповедей: ибо Святое Крещение делает крещаемых или совсем неподвижными, или труднодвижимыми на зло, равно как и второе крещение покаяния. Также какими надлежит быть священникам.

Кто говорит другому: то делай, а этого не делай, говорит, конечно, человеку, который может то сделать, а это не сделать. Но кто говорит это к такому, который не может ни того ни другого, тот не все ли говорит такие слова? Сказал Господь ученикам Своим: *идите научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. Итак, первое, что дано, это есть очищение и сила через Святое Крещение. И потом уже говорит Господь: *и учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19, 20). Итак, всякий, кто, не укрепившись прежде силою Святого Крещения, возьмется творить заповеди Христовы, все будет трудиться. И кто тому, кто не укреплен силою Святого Крещения, повелевает исполнять заповеди Христовы, буй есть и слепец. Ибо прежде надлежит его укрепить в духе благодатию Христовою, очищающей душу через Святое Крещение, и тогда уже давать исполнять и заповеди. Ибо как возможно, чтобы земля, исполненная терний и волчцев, прияв чистое семя, не заглушила его? Но Божественное Крещение Христово имеет великую силу – тех, которые не крещены и удободвижны на зло, делать неподвижными на зло, как только окрестятся. Или если и не делаются они тотчас такими неподвижными, но всячески делаются неудободвижными. Это и есть знамение силы, какая приемлется от Святого Крещения. Оно делает их еще удободвижными на добро, как бы Ангелами, сильными крепостию, творящими волю Божию (Пс. 102, 20). По сей же причине Христос Господь даровал и Божественную Кровь Свою, чтоб верующие в Него причащались ее и через то делались причастными Божественного естества, как причащающиеся Божией Крови, и потом, как уже Божественные и имеющие крепость Божеской силы, чтоб жительствовали по совершенному закону Евангелия Христова и творили волю Божию, как сильные крепостию. Если теперь верующий во Христа и исповедующий Его, после того как укреплен стал такою силою и получил возможность творить закон Христов, презрит его и не станет жить по воле Божией, то да ведает таковой, что он отрекся от Христа, как, по слову апостола, *Сына Божия поправый, и Кровь заветную скверну возмнивший* (Евр. 10, 29).

Если же какие после Святого Крещения и Причащения Божественного Тела и Крови Христовой бывают еще удободвижны на зло и не являются сильными крепостию на то, чтобы творить волю Божию, то явно, что они не уверовали еще во Христа, как следует верить. Им надлежит прибегнуть к архиереям, иереям и духовным мужам, исповедаться и от всей души покаяться во всех грехах своих, и особенно в этом их великом невежестве, что не имеют совершенного познания о таинствах христианства, не знают, в чем состоит вера и что вообще должен знать всякий христианин как христианин; после сего им надобно сделать оглашение, чтоб познали слово веры и все необходимое, как мы сказали, и начали верить во Христа как следует; наконец, прочитать над ними разрешительную молитву с возложением рук и тем завершить восполнение недостававшего в них. Когда таким образом открыто будет им Евангелие правды, они получают духовное чувство, чтоб восчувствовать и понять принятую ими умную благодать Христову, которая как бы приосенит тогда душу их, делая ее сокрушенною и смиренною и вселяя в нее спасительный страх Божий. Это и служит всегда началом доброго пути и путеводством для тех, которые восприимлют, наконец, жизнь о Христе как следует. Тогда уже пусть причастятся они достойно и Пречистого Тела и Крови Христовой, да будут Божеского общники естества. Быв освящены таким образом,

не будут уже они более преобладаемы грехом, как прежде, ибо в том и освящение, что христианин делается сильным крепостию на то, чтобы творить волю Божию, и сего ради получает наименование верного христианина, как такой, которому вверена благодать Христова и который силою сей благодати живет в духе Христовом. Другим образом и возможности нет сделаться и быть христианином.

Но кто, получив силу жить по закону Христову, предается нерадению и не творит воли Божией, со стороны того требуется великое удовлетворение через понесение должного наказания (церковной епитимии), чтоб исправление его соответствовало мере греха его; причем потребно излияние стольких слез, сколько было воды в купели, в которой он крестился; потребно также усердно умолять Господа, да продлит ему жизнь, чтоб иметь время уврачеваться и не умереть неуврачеванным, и не пойти за то в муку вечную. Ибо кто может поручиться, что смерть подождет, пока он уврачуется? Здесь, в этой жизни, только уместны врачевательные епитимии. Здесь надобно на потребное время не допускать такого до Святого Причастия, отлучать или отделять его от Христа и от общения и сообщения с прочими христианами. Здесь потребны рыдания, стенания, посты, бдения и прочие злострдания телесные, и не иначе как после таких трудов сподоблять его Пречистых Таин. И такое удовлетворение требуется от него совершенно праведно; так как он не сохранил Божественного таинства, разумно принятого. О таком грехе никто не может сказать, что он меньше греха Адамова. Адам, если бы знал, что Бог обитает внутри него, никак не восхотел бы вкусить от древа познания и преступить заповедь Божию. Но он как только создан был, так и получил благодать Божию, а не был прежде лишен благодати сей, чтоб, получив ее потом, знать и чувствовать, что паки восприял Бога: почему и не знал, что Бог в нем. А этот прежде крещения был наг от Христа и облекся в Него уже через Святое Крещение, как говорит святой Павел: *елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). Всякая душа тотчас, как окрестится человек, принимает в духе благодать Христову, по коей тотчас воображается в ней Христос. Но крещенные младенцами не чувствуют освящения, получаемого в крещении, потому что такое чувство освящения есть умное дело, а младенцы еще несовершенны умом, чтоб разуметь принятую благодать. Почему с продолжением времени они мало-помалу изменяются и переходят на сторону худа, и благодать Святого Крещения в иных погасает и совсем теряется, а в иных сохраняется малая ее искра, от которой потом великая сия милость опять в них воспламеняется, если прибегнут к духовным отцам и покаются, как мы сказали, примут оглашение, восстановят веру как следует и возуповают на Бога. В таковых скоро опять возгорается Божия благодать и явные дает о себе свидетельства. После этого, если они с усердием и ревностью станут подкладывать под нее рукояти (связки дров) смиренномудрия и милостивости, то в них возгорится пламя великое и просветит даже окружающих их: смиренномудрия – помышляя и чувствуя, что испытываемое ими не есть плод их собственных усилий, а дар Божий; милостивости – убеждаясь, что сподобленный такой милости должен и сам быть милостив, и действительно являть ее ко всем другим.

Если же некоторые из тех, которые, приняв и второе крещение покаяния через восприятие ангельского образа и сделавшись монахами, не чувствуют в духе Божественной и всемогущей силы Всесвятого Духа, ими полученной, потому что от них отступила благодать, полученная ими при восприятии ангельского образа, как отступает и благодать Святого Крещения от тех, которые крещены младенцами, как мы сказали, вследствие чего они оказываются удободвижными на зло, как были и прежде; то тщетна вера их, тщетно и их второе крещение покаяния, ибо и священные одеяния ангельского образа возлагаются на нечувственных и мертвых духом, которые не чувствуют приемлемой благодати. Удостоверение в действительности спасения одно – это духовное чувство благодати Всесвятого Духа, даруемой от Бога ради веры духовной силе ума. Такую благодать Святого Духа сподобляются получить во время крещения те, которые веруют во Христа, – иные, чтоб творить знамения и

чудеса, большая же часть, чтоб быть неподвижными на зло и легкодвижными на добро, и всеусердно с радостью и веселием проходить богоугодную жизнь. Таков чин у верующих во Христа.

Но да внимаем добре, чтоб не случилось быть вне сего чина кому-либо из диаконов, или иереев, или духовных отцов и руководителей душ христианских, и не постиг нас гнев Божий тем, что не станет у нас более ни огласителя, который бы оглашал учением веры, ни учителя, который бы учил, ни духовных мужей, которые бы восстанавливали расстроившихся Божественным воссозиданием, которое превосходит всякое слово человеческое. Ибо не следует никому, прежде причастия Божественной благодати, восходить на учительскую кафедру, чтоб не привлечь на себя Божия гнева, – так как из мудрых в слове, но не приявших Божественной благодати иные сделались начальниками ересей, другие побеждены были словами еретиков и пали в ров пагубы. Но как таковые не чувствовали силы возрождения, бывшего в них через Святое Крещение, то им надлежит прежде пойти к духовным мужам, чтоб посредством покаяния и других деяний, о коих мы сказали выше, – поста, молитвы, возложения рук опытных отцов духовных и строителей (экономов) великого сего таинства, а также и священного оглашения теми, которые умеют оглашать, – сподобиться получить возрождение и таинственное образование душевных сил и, укрепившись Божественною благодатию и силою, начать работать в вертограде Божиим, да не будет тщетной вера их и исповедание их. Ибо когда вера их будет тщетна, то никакой пользы не принесет ни то, что именуют себя верующими во Христа, ни то, что поклоняются Ему. Бог не для того соделался человеком, чтоб Ему поклонялись и веровали, что Он Бог и человек – просто как случилось; но Он соделался человеком для того, что бы мы соделовались общниками Божеского естества, как и Он соделался общником человеческого естества, и, познав силу сего таинства и благодать восчувствовав, благодарили Его. Которые опытно познали принятую благодать, те суть други Христовы, коим вверены тайны и которые проводят жизнь в духе Христовом. Те же, которые совсем не получили такой благодати, то есть некрещенные, и которые получили ее, но не познали ее, такие суть враги Божии. Ибо всякий, кто не причастен Божеского естества, то есть не имеет Божественной благодати, плотян есть и не может благоугодить Богу, потому что помышление плотское вражда на Бога есть, и плоть и кровь Царствия Божия наследити не может. Таковой услышит наконец и оное евангельское слово: *от неимущаго и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25, 29). Благодать Божия беспредельна, всегда с преизбыточеством изливается и никогда не оскудевает. Если бы, скажем так, кто прожил тысячу лет и в эту тысячу лет каждый день была бы подаваема ему благодать, то он был бы преисполнен ею и погружен в нее, она же все пребыла бы целою, нисколько не умалившейся. Впрочем, само собою следует, что в том, кто получил благодать, она или умножается, если он подвизается, или умалается, если понерадит; и если это нерадение продолжится, то мало-помалу она и совсем в нем оскудеет, и оставит его совершенно пустым. Оставит, а он долго еще будет думать, что имеет ее. Ибо благодать отходит сокровенно, как сокровенная по естеству и таинственная, потому, отходя, не дает ему чувствовать отступления своего, и он не сразу узнает об отступлении ее. Нам же даруй, Господи, сподобиться того, чтоб, получив благодать Божию, мы приумножали ее в себе, прилагая подвиги к подвигам, во Христе Иисусе, Кому слава вовеки. Аминь.

Слово пятьдесят второе

1. *Какие это неизреченные глаголы, кои слышал апостол Павел?*
2. *Что суть блага, ихже око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша?*
3. *Что есть Царствие Божие, и как оно действительно является в нас?*

1. Владыка всяческих Христос каждодневно учит нас через Святые Евангелия, где иное говорит прикровенно, чтоб не понимали Его многие, когда говорит в притчах, из чего иное опять объясняет наедине ученикам Своим, говоря: *вам дано есть ведати тайны Царствия Божия, прочим же в притчах* (Лк. 8, 10); иное же говорит не обинуясь, для всех явно, как сказали Ему апостолы: *се, ныне не обинуясь глаголеши, а притчи ни коеяже не глаголеши* (Ин. 16, 29). Почему наш долг исследовать и узнать, в каких словах учил Господь не обинуясь и явно, и в каких учил прикровенно и приточно. Так, например, явно возвестил Он следующее: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44); *блажени плачущи, горе смеющимся* (Лк. 6, 21, 25); *покайтесь, приблизитесь Царствие Небесное* (Мф. 3, 2). И опять: *любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своя в мире сем в живот вечный сохранит ю* (Ин. 12, 25). И: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Много и других подобных мест, в коих Иисус Христос предлагает Свое учение не прикровенно и в притчах, а явно и без всякой прикровенной мысли. Приточно же Им сказано, например, следующее: *подобно есть Царствие Божие зерну горюшину, еже прием человек вверже в вертоград свой: и возрасте, и бысть древо велие* (Лк. 13, 19). Опять: *подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущему добрых бисерей* (Мф. 13, 45). И еще: *подобно есть Царствие Небесное квасу, егжеже вземши жена скры в сатех триехмуки, дондеже вскисоша вся* (Мф. 13, 33). Сие и многое подобное сему говорит Господь приточно, уподобляя Царствие Небесное таким предметам, и называет это притчами.

Отсюда помысли, прошу тебя, сколь велика премудрость Божия, что такими чувственными примерами, которые кажутся нам так невысокими, Он изображает пред нами и, как живописец какой, начертывает в уме нашем недомыслимое и непостижимое. Делает же Он это для того, чтоб неверы оставались слепцами, лишенными ведения таких благ, так как сделались недостойными того по причине неверия своего; а верующие, напротив, слыша и с верою приемля приточное слово, видели истину и ясно познавали событие в самих себе означаемых притчами вещей. Ибо притчи суть образы вещей духовных; а как и каких вещей суть они образы, послушай. Зерно горюшное есть Дух Святой; человек есть каждый верующий, желающий приять зерно сие посредством делания заповедей; вертоград есть сердце верующего, внутрь которого ввергают то зерно (единое, говорит, а не много, потому что естественно неделимое и недробимое не может быть разделено на многие части, но пребывает всегда едино). Потом, когда храним себя со всяким вниманием и блюдением, зерно то дает росток; когда росток подымется, то делается явным; когда же еще подрастет и станет довольно великим, то познаваем бывает теми, в которых настолько разросся; а когда, наконец, станет как дерево и пустит от себя многие ветви, тогда радостью неизреченною исполняет того, кто сподобляется это возыметь в себе. Итак, как сад без посеянного семени не дает никаких полезных зелий, кроме одних терний и диких трав, и семя, не будучи посеяно, не прорастает и не приносит плода, но остается одно, как есть; совершенно таким же образом и наши души, если не примут в себя Божественного семени, пребывают бесплодными, исполненными терний, то есть грехов; равно и Божественное семя, прежде чем ввержено будет в души наши, пребывает в себе, как есть, ни умножения, ни умаления не приемлет и в нас ни ростка не дает, ни возрастает в древо. Ибо как возможно, чтобы то Божественное семя,

не будучи посеяно в сердцах наших и не соединившись с нами, но пребывая особо от нас, как особо от сада находится семя, не посеянное в нем, – как, говорю, возможно, чтоб оно разрослось в нас, как разрастается в тех, в сердцах которых посеяно и с которыми соединилось? Никак это невозможно, – как невозможно также и то, чтоб огонь зажег дрова, не быв подложен под них, или чтоб загорелись дрова без соприкосновения с огнем.

Но как слова Святых Евангелий иные говорятся нам примратно и в притчах, а иные говорятся ясно, без прикровенности, так и слова апостолов не все говорятся явно, без прикровенности, но иные из них имеют нужду в большом толковании и изъяснении, потому что содержат сокровенную глубину мыслей. И если признаете благословным, возьмем в рассмотрение одно изречение святого апостола Павла и увидим, какие там сокрыты глубины Духа, ибо, по слову Божию, *Святой Дух вся испытует, и глубины Божия* (1 Кор. 2, 10). Какое же изречение имеем мы рассмотреть? – О неизреченных глаголах, какие слышал божественный Павел, когда был восхищен до третьего небесе.

И как у нас бывает, что если не отверзем собственных уст наших, то не может изыти вне слово наше, так и если не отверзутся уста Божии (то есть Дух Святой) через осияние и просвещение, какие бывают в нас (не говорю, чтоб Дух отверзался, но ум наш, когда осиявается и просвещается от Духа), Сын и Слово Божие не зрится и не бывает явен в чувстве зрения и слуха нашего (умного).

Изъяснив сие, заключаем, что неизреченные оные глаголы, какие слышал божественный Павел, не другое что суть (по моему скудоумному мнению), как сокровенные и воистину неизъяснимые и незримые, через осияние от Духа Святого бывающие созерцания, и боголепные и недомыслимые уразумения пресветлой и пренедоведомой славы и Божества Сына и Слова Божия, какие, будучи открываемы, более ясными и более чистыми представляются тем, кои достойны того. Вот что, говорю, суть те несслуханные слышания неизреченных глаголов, то непостижимое постижение непостижимых вещей. Если апостол сказал, что слышал глаголы (то есть слухом), а мы, изъясняя сии глаголы, сказали, что это Сын Бога и Отца глаголется через Святого Духа, и вместе с тем через осияние Его открывается достойным, и таковое осияние, или откровение, бывает, сказали мы, посредством созерцания, а не посредством слышания, то да не покажется тебе сие странным и неверным. Но послушай разрешение сего недоумения и познай дело как есть, да не будешь неверен, но верен. Разрешение же это таково. Внимай!

Бог, Который есть первая причина всего прочего, един есть. И это едино – есть свет и живот, Дух и Слово, уста и глагол, премудрость и ведение, радость и любовь, Царство Небесное и рай, небо небес, как и солнце солнц, и Бог богов, и всякое другое добро, какое бы ты ни сказал, заимствуя мысль о нем от сих видимых вещей или от того, что выше всех их, – найдешь, что оно есть сие едино, о коем я сказал, и удостоверись, что оно есть и именуется всеобъемлюще, существенно и господственно – Благо. Оно не имеет никакого совершенно подобия с видимым, но есть выше всякого видимого добра, несравненно и неизреченно. И неразделимо сие едино, как видимое разделено одно от другого, но пребывает одно и то же, без всякого изменения. Оно есть всеблаго, высшее всякого блага. – С другой стороны, и человек, созданный по образу и подобию Божию, почтен тем же образом бытия и имеет в единой душе и ум, и слово, и единое чувство, хотя оно, по пяти естественным потребностям тела, делится на пять чувств. В отношении к телесному оно нераздельно разделяется посредством пяти частных чувств – зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, и, будучи изменяемо, неизменно, проявляет действительность свою – и видит (не само чувство, но душа посредством его), и слышит, и обоняет, и вкушает, и различает вещи по осязанию. В отношении же к духовному нет необходимости, чтоб это общее чувство разделялось на пять чувств, как бы на пять окон, – не требуются, говорю, ни очи, чтоб, открывая их, видеть тамошние вещи, ни уши, чтобы слышать слово, ни орган обоняния, чтоб обонять тамошние

доброты, ни губы и язык, чтоб вкушать и различать сладкое от горького, ни руки, чтоб различать твердое и мягкое, тяжелое и легкое. Но оно выходит вне всего этого, что мы сказали, и естественно последует за умом, не разделяясь от него и несясь все всецело с ним; но пребывая всецело единым чувством, оно имеет с собою и в себе пять чувств (или точнее сказать – более), поколику все они едино суть. Теперь сообрази, прошу тебя, поточнее, что излагает слово мое. Душа, ум, слово суть едино, в единой сущности и едином естестве человека, – и это едино чувствует, рассуждает, как разумное существо, понимает, помнит, совещается с собою, желает или не желает, избирает или не избирает, любит или ненавидит, и, – чтоб не удлинять слова, – это едино есть живущее (существо или сила), которое в одно и то же время и видит, и слышит, и обоняет, и вкушает, и осязает, и понимает, и знает, и говорит. – Слушай внимательно и вникай в силу того, что говорится тебе, чтоб мог ты понять, какие это неизреченные глаголы и как слышал их святой Павел, – каковы и открыты были ему, и видимы были им в Духе Святом.

Бог Творец всяческих един есть, и сие едино, как мы сказали прежде, есть всякое благо. С другой стороны, и душа, разумная и бессмертная, тоже едина есть. И она едина есть вся – чувство, совмещающее в себе все чувства, какие ни есть. Итак, когда единый всяческих Бог является через откровение единой разумной душе, тогда открывается ей всякое благо и в одно и то же время созерцается (ощущается) всеми вместе чувствами ее. Сие единое и всякое вместе благо и видимо бывает ею, и слышимо, и услаждает вкус, и облагоухавает обоняние, осязается, познается, говорит и говорится, знает и знаемо бывает, и что знает, сие сознается. Ибо кто познается Богом, тот знает, что познается, и кто видит Бога, тот знает, что и Бог видит его. Но кто не видит Бога, тот не знает, что Бог видит его, так как сам не видит Его, хотя хорошо видит все прочее. Итак, которые удостоились увидеть зараз всеми вместе чувствами, как одним из многих чувств, сие всеблаго, которое и едино есть и многое, поелику есть всеблаго, те, говорю, поелику познали и каждодневно познают разными чувствами единого чувства разные вместе блага как единое, не сознают во всем сказанном никакого различия, но созерцание называют ведением и ведение созерцанием, слух зрением и зрение слухом, как и пророк Аввакум говорит: *Господи, услышах слух Твой и убояхся. Господи, разумех дела Твоя и ужасохся* (3, 1). От кого же это другого он услышал? Пророчествуя, он о Господе проповедал. Как же говорит: *Господи, услышах слух Твой?* И что хочет он открыть через удвоенное слышание, когда говорит: *услышах слух Твой?* Что другое, кроме того, что через осияние Святого Духа, или откровение от Него, познал удостоверительно Господа нашего Иисуса Христа, и опять, через сокровенное глаголение сего же Святого Духа научаем, познал все воплощенное Домостроительство Господне; и потом сие о Господе учение, которое приял от Духа Святого, он так усвоил себе, как бы оно было его собственное, и как бы видя Господа, как и в самом деле удостоверительно видел Его через осияние от Святого Духа, говорил Ему: *посреде двоя животну познан будеши, внегда приблизится лето, познаешися, внегда приити времени, явишися* (3, 2). Так что учение, вместе и ведение, которое бывает через созерцание, действием Духа, он называет слухом, который слышал, о воплощенном Домостроительстве Господа. И тем, что сказал: Господи! показывает, что видел Его пред собою и беседовал с Ним, ибо какой человек беседует с тем, кого не видит? Ужели кто может, не видя земного царя пред собою, говорить ему: о, царю! услышал я определения, какие положила царская власть твоя? Никак. А пророк говорит, и говорит не только – *услышал слух Твой*, но еще и – *познан будеши*, и – *познаешися*, и – *явишися*; почему, как познавший со всею удостоверительностью весь совет Господа, говорит как бы Ему: то и то хочешь совершить Ты, Господи, как определило Царствие Твое. Да и все пророческие изречения наибольшей частью то же значат.

Итак, Божественному Писанию обычно таким образом называть слышание – созерцанием Бога, и созерцание – слышанием Бога. Так и божественный Павел неизъяснимые созер-

цания и осияния Святого Духа, учения и откровения, превосходящие меру человеческого естества и силы, необычно назвал глаголами, сказав и написав, что слышал неизреченные глаголы. Но вслед за сим он написал: *и за премногая откровения* и прочее. Итак, если божественный Павел сказал прежде, что слышал, то почему, после того, как услышал, называет он это откровениями, когда откровения бывают через созерцание, а не через слышание, как говорит и Давид: *открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18)? По чему другому, если не потому, что он, как мы сказали, слышание употребляет вместо созерцания, и созерцание вместо слышания? Также апостол Павел помянул, что восхищен был до третьего неба. И опять вопрос: как же сказал потом, что слышал? И это не по другой причине, как по той, какую мы только что указали. Отсюда заключаем, что восхищением он обозначил, во-первых, созерцание, какое видел, потом таинства, которые были в сем созерцании, — и о том, что наияснейше открывало славу оную и Божество, воссиявшее ему, он сказал, что слышал то, — поколику это сообщало ведение, научало видевшего сие и открывало ему то, что для всех неизреченно и недомыслимо.

Итак, в отношении к духовным вещам, как мы сказали, и слышательное, и зрительное чувство есть одно, и из того, что здесь созерцает кто или слышит, не может он определенно сказать, что именно есть то или другое, судя по тому, как он то видит или слышит. Почему апостол и сказал, что того невозможно изложить человеческим языком. Нам, впрочем, надлежит подвизаться об очищении самих себя покаянием и смирением, чтоб соединить с единым благим и преблагим Богом все наши чувства, как одно, и тогда все то, чего не можем мы представить и изъяснить многими словами, все то зараз познаем и уразумеем, слыша зрением и видя слышанием, научаясь созерцанием и слушая откровением. Впрочем, есть еще и иное некое слышание в отношении к вещам наидуховнейшим. Какое же это? То, коим приемлется обетование благ, которые имеют быть нам даны. Как пророки, пророчествовавшие о первом пришествии Господа, хотя созерцали Его и знали точно, но как оно не было еще сбывшимся во дни их, а имело быть после, то они о том, что было им открываемо и показываемо относительно его, говорили, что слышат то, так как это имело быть впоследствии. Так и святой Павел, поелику видел блага Царствия Небесного, какие имеют быть дарованы праведным, и поелику узнал и удостоверился до точности, что любящие Бога от всей души и соблюдающие заповеди Его имеют несомненно получить сии блага по втором пришествии Господнем и по воскресении мертвых, по обетованию Господа, то и сказал: *слышах неизреченные глаголы, яже не летъ есть человеком глаголами*. — Но почему прежде назвал их благами, а потом называет глаголами? Потому, что блага оные воистину суть некие дивные и предивные словеса, через кои всякое разумное естество будет услаждаемо неисчерпаемым, вечно живым и живоносным услаждением, будет выну оживляемо Божественным оживлением и обвеселяемо. Ибо как Слово Бога и Отца есть Бог, то справедливо осияния и откровения Бога Слова именуются глаголами. Слово есть Бог, и глаголы Его суть лучи и блистания Божества, кои воссиявают от Бога, как молния, и наияснейше нам открываются.

Этих глаголов не могу я изъяснить или истолковать, но возлюбленный ученик Христов Иоанн Богослов, по данной ему от Бога благодати, сказал нечто в объяснение того, что слышал святой Павел, говоря: *возлюбленнии, ныне чада Божия есмы, и не уявися, что будем: вемы же, яко, егда явится, подобни Ему будем, ибо узрим Его, якоже есть* (1 Ин. 3, 2). Святой Павел сказал, что слышал неизреченные глаголы, которые не может человек произнести. А Иоанн Богослов говорит: *вемы, яко егда явится, подобни Ему будем и узрим Его, якоже есть*. Что самое и святой Павел говорит в другом месте: *ныне разумею от части, тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. 13, 12). Видишь, как в отношении к духовным вещам одно и то же есть вместе и подобие, видение и познание? — Ибо Христос бывает для нас всем — и ведением, и мудростью, и словом, и осиянием, и созерцанием, и знанием; и любящим Его дает вкусить от благ Своих и в настоящей жизни отчасти, дает также им таинственно

слышать и неизреченные некие глаголы, от большей части сокрытые. Ибо если Христос не будет для нас всем вместе, то будет следовать, что Царствие Небесное и блаженство его неполны и несовершенны. То есть, если Христос не будет для всех праведных вместе с тем, что сказали мы выше, еще и одеянием, и венцом, и обувью, и радостью, и сладостью, пищею, питием, трапезою, ложем, упокоением, неизреченной красотой и всем другим, что пригодно для услаждения, славы и радования, но будет недостаточествовать хотя в одном каком-либо благе и для одного только из имеющих обитать там, то лишение этого недостающего блага дает место печали, и, следовательно, печаль войдет в среду неизреченной радости веселящихся, а из этого явно станет, что ложно слово Писания, которое говорит: *отбеже болезнь и печаль и въздыхание* (Ис. 51, 11). Но этого никак не будет, а будет там всяческая во всех и всякое благо будет преизбыточествовать вместе со всеми благами, и насыщать сверх меры все чувства призванных и сидящих на браке Христа Царя, и Сам Христос Бог будет вкушаем и пием, так как Сам Он есть всякий вид пищи, питания и сластей. Христос будет тогда видим всеми, и Сам Христос будет видеть все бесчисленные мириады святых, ни с кого глаз не сводя, так что каждому из них будет казаться, что Он на него смотрит, беседует с ним и приветствует его; и никто не будет опечален тем, будто Христос не обратил на него внимания и презрел его.

Христос, как мы сказали, будет тогда и венцом, имеющим увенчать главы всех святых. Не приемля никакого изменения, но пребывая неизменным, Он будет являть Себя инаковым для одного и инаковым для другого; будет уделять Себя каждому, как подобает и как он того достоин. Сам Христос имеет быть тогда для всех и одеянием, таким одеянием, каким облещись подвизался каждый – и облещись, находясь еще в сей жизни; и никак невозможно, чтобы кто-либо вошел на тот таинственный брак, не быв облечен в это пресветлое одеяние. Если же бы случилось такому, смешавшись с достойными, войти туда тайком (что, однако ж, никак невозможно), то он тотчас изгнан будет вон. И Владыка Христос, желая показать нам, что никому одетому в мрачные рубища невозможно пребыть на браке, истолковал это притчей, в которой сказав: *друже, како вшел еси семо не имый одеяния брачна*, прибавил потом: *связавше ему руце и нозе, вверзите его во тму кровешию* (Мф. 22, 12, 13). Полагаю, что Господь сказал таким образом не потому, что тот мрачно одетый вошел на браки, утаившись от Бога, пред Коем ничего нет утаенного, но потому, что еще не пришло время открыть такое таинство и Он не хотел сказать прямо, что туда, на браки, невозможно войти никому, кто не одет в одеяние Божества Моего, почему и прикрыл слово о том под таким образом. Но апостол Павел прямо уже открыл сие, говоря: *якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небеснаго* (1 Кор. 15, 49). А каков образ небесного, о сем послушай, что говорит тот же божественный Павел: *Иже сый сияние славы Его и образ ипостаси Его* (Евр. 1, 3), – наиточнейший образ Бога и Отца. Итак, образ Отца есть Сын, и образ Сына есть Дух Святой. Видевший Сына видел Отца, и видевший Духа Святого видел Сына. Апостол говорит: *Господь же Дух есть* (2 Кор. 3, 17), и опять: *сам Дух ходатайствует о нас въздыхании неизглаголаннми* (Рим. 8, 26), вопия: *Авва Отче!* (Рим. 8, 15). Дух взывает: Авва Отче! – не потому, что Дух есть Сын, – да мимоидет от нас такая хула! – но потому, что Сын Божий видится и созерцается Духом Святым, и что ни Сын никому не открывается без Духа, ни Дух без Сына; но вместе с Духом открывается Сын, и Сам через Духа взывает: Авва Отче!

2. Ты же, возлюбленный, если не знаешь еще того, о чем я говорю, не отчайся и не скажи: того, о чем ты говоришь, я совсем не знаю и не могу тому научиться, и не чаю, чтоб мог когда-либо достигнуть до высоты такого ведения, созерцания и чистоты. Но опять не скажи и так: если невозможно войти в Царствие Божие тому, кто еще в настоящей жизни не облечется во Христа, яко Бога, не взойдет до созерцания Его и не достигнет того, чтоб Он обитал внутри его (я же не могу успеть ни в чем таком), то какая мне польза и подвизаться ради этого, из-за этих подвигов лишать себя наслаждения настоящими благами? – Смотри,

не говори такого слова и даже не думай так. Но если тебе угодно и если желаешь послушать моего совета, я, с помощью Духа Святого, истолкую тебе, в чем настоящий путь и способ спасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.